

A close-up photograph of several large, multi-petaled pink peonies. The petals are layered and have a soft, velvety texture. The lighting is soft, creating a gentle gradient from light pink to a slightly darker shade towards the top. A white diamond-shaped icon containing the text '18+' is positioned on the right side of the image.

18+

МОНСТР

КРАСАВИЦЫ
БОСТОНА

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *USA TODAY*

Л. ДЖ. ШЭН

Freedom. Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн

Л. Дж. ШЭН

Красавицы Бостона. Монстр

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Шэн Л.

Красавицы Бостона. Монстр / Л. Шэн — «Эксмо»,
2021 — (Freedom. Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн)

ISBN 978-5-04-179789-8

Самое важное послание в моей жизни нацарапано на двери туалета в парке аттракционов. «Страсть мимолетна, любовь остается. Страсть нетерпелива, любовь ждет. Страсть обжигает, любовь согревает. Страсть опустошает... А любовь? Любовь убивает». Может быть, мне суждено было привязаться к монстру. Мы с Сэмом могли любить друг друга только втайне ото всех. Но когда об отношениях стало известно другим, мне пришлось перерезать связывающую нас с Сэмом нить. Меня зовут Эшлинг Фитцпатрик, и я хочу признаться. Сэм Бреннан – не единственный монстр в этой истории.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-179789-8

© Шэн Л., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Плейлист	6
Пролог	7
Первая	33
Вторая	47
Третья	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Л. Дж. Шэн
Красавицы Бостона. Монстр

Посвящается монстрам во всем мире и сложившим мечи Панг и Ян.

Спасибо за то, что ворвались в мою жизнь.

Каким бы был океан без монстра, таящегося в его темных глубинах?

Подобным сну без сновидений.

Вернер Херцог

L.J. Shen

THE MONSTER

Copyright © 2021. THE MONSTER by L.J. Shen The moral rights of the author have been asserted

© Мчедлова В.Г., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Плейлист

“You Are in Love with a Psycho” – Kasabian

“Rock & Roll Queen” – The Subways

“I’m Not in Love” – Kelsey Lu

“Good Girls Bad Boys” – Falling in Reverse

“Wow” – Zara Larsson

“Listen Up” – The Gossip

“The End of the World” – Skeeter Davis

Пролог

Сэм

9 лет

«Ты больше никогда не будешь плакать, придурок».

Это была единственная мысль в моей голове, когда женщина, что произвела меня на свет, ударила по дверному звонку пять раз подряд, держа меня за рубашку, будто намеревалась бросить на порог соседского дома, как какую-то шпану, которая забросала ее дом туалетной бумагой.

Дверь пентхауса дяди Троя распахнулась. Она толкнула меня за порог.

– Вот. Он полностью в вашем распоряжении. Ваша взяла.

Я бросился в объятия тети Спэрроу, которая, отшатнувшись, обняла меня и покровительственно прижала к груди.

На самом деле Спэрроу и Трой Бреннаны не были моими тетей и дядей, но я проводил с ними много времени – и под «много» я подразумеваю «все равно недостаточно».

Кэт, иначе говоря, женщина, которая меня родила, решила отдать. Она приняла это решение сегодня вечером, когда проходила мимо меня по пути в свою спальню.

– И чего ты такой мелкий? Ребенок Пэм твоего возраста, а он, типа, огромный.

– Потому что ты ни черта меня не кормишь. – Я отбросил джойстик, смерив ее презрительным взглядом.

– Да тебе уже лет десять или одиннадцать, Сэмюэл! Сделай себе сэндвич.

Я был девятилетним да к тому же отошавшим мальчишкой. Но она права. Надо сделать себе сэндвич. И я бы сделал, если бы было из чего. У нас в доме не водилось даже приправ, одни только приспособления для употребления наркотиков и выпивка в таком количестве, какого хватало бы, чтобы заполнить реку Чарльз.

Однако Кэт это не волновало. Ее ослепила ярость, потому что сегодня вечером, когда она оставила меня без присмотра, я украл у нее наркоту и продал ее каким-то бандитам на нашей улице, а потом на вырученные деньги купил себе четыре обеда в фастфуде и игрушечную винтовку.

Бабушка Мария единственная брала на себя нелегкую задачу моего воспитания. Она жила вместе с нами и работала на двух работах, чтобы нас содержать. А Каталина лишь мелькала на заднем плане, будто предмет мебели. Вроде присутствовала, а вроде и нет. Мы жили под одной крышей, но она съезжала каждый раз, когда ее очередной любовник оказывался под каблуком и позволял ей жить у него. Она посещала центры реабилитации, встречалась с женатыми мужчинами и умудрялась находить деньги на дорогие сумки и туфли. Ребята в школе говорили, что, по словам их отцов, Кэт знала изгибы всех матрасов в местном мотеле, и хотя я толком не понимал, что это значит, все же не сомневался: ничего хорошего.

Как-то раз я подслушал, как дядя Трой сказал ей: *«Он тебе не чертов курорт в Хэмптонсе, Кэт. Нельзя посещать его время от времени, когда погода позволяет».*

Каталина велела ему заткнуться. Сказала, что я худшая ошибка, которую она совершила, пока была под кайфом.

В тот же день меня выгнали из школы. Я избил Нила Демарко, когда он сказал, будто его родители разводятся из-за моей мамы.

«Твоя мать – шлюха, а мне теперь придется переезжать в дом поменьше! Ненавижу тебя!»

После разборки у Нила появилась еще одна причина меня ненавидеть, о которой ему всегда будет напоминать его изуродованное лицо.

Когда Кэт приехала за мной, то заорала, что разукрасила бы мне лицо в точности, как я Нилу, да только не стоило из-за меня портить новый маникюр. Я едва слышал ее. В голове все будто распухло от драки и мыслей, отзывавшихся головной болью.

Но я знал, что из жадности она не повезет меня в «неотложку», а потому не стал жаловаться.

– В нашем распоряжении? – тетя Спэрроу посмотрела на Каталину, прищурилась зеленые глаза. – Ты о чем? Сегодня не наш день с Сэмом.

У тети Спэрроу были рыжие волосы, веснушки и тело, как у пугала – одна кожа да кости. Она была не такой красивой, как Каталина, но я все равно любил ее сильнее.

Кэт закатила глаза, пнув спортивную сумку с моими вещами. Та прилетела дяде Трою прямо в голень.

– Только не надо делать вид, будто не добивалась этого с самого начала. Вы берете его с собой на семейный отдых, у него есть комната в вашем доме, вы приходите на все его футбольные матчи. Ты бы и грудью его кормила, будь у тебя сиськи, которых, как ни прискорбно, нет. – Каталина прошла взглядом по телу Спэрроу. – Ты всегда хотела забрать его. Он дополнит вашу скучную маленькую семейку вместе с вашей скучной маленькой дочуркой. Что ж, сегодня у вас счастливый день, потому что этот говнюк теперь официально ваш.

Я с трудом сглотнул и свирепо уставился на плоский экран телевизора за плечом Спэрроу. В гостиной царил бардак. В самом хорошем смысле. Всюду были разбросаны игрушки, пушистые розовые одеяла, а еще валялся блестящий детский самокат. По телевизору шел мультфильм «Храбрая сердцем». Любимый мультик Сейлор. Она, наверное, уже спала.

У нее был режим сна. Правила. Распорядок дня.

Сейлор – двухгодовалая дочь Троя и Спэрроу. Я любил ее, как сестру.

Всякий раз, когда она пугалась, что у нее под кроватью прячется монстр, а я гостил у них дома, она вылезала из своей кровати, прокрадывалась в мою комнату, забиралась ко мне под одеяло и сжимала меня, словно плюшевого медвежонка.

– *Зас-сити меня, Сэмми.*

– *Всегда, Сейл.*

– Не при ребенке. – Трой шагнул к Кэт, отгораживая меня от нее.

Желудок заурчал, напоминая о том, что я ничего не ел с тех пор, как затолкал в глотку те обеды из фастфуда.

– Сэм, ты не мог бы дать нам минутку? – Спэрроу провела пальцами по моим неопрятным волосам. – Я купила тебе видеоигру «Призрак Цусимы», как ты просил. Возьми что-нибудь перекусить и поиграй, а мы тут закончим.

Я взял немножко вяленой говядины (дядя Трой сказал, что белок поможет мне стать выше) и скрылся в коридоре, повернув за угол, но не стал заходить в свою комнату. У меня была своя комната в их доме еще с тех пор, как я учился в первом классе. Бабушка Мария говорила, все потому, что Трой и Спэрроу жили в хорошем школьном округе¹, и нам был нужен их индекс для регистрации. Но я все равно часто бывал у них даже после того, как меня отчислили.

Мой «настоящий» дом располагался в неблагополучном квартале Южного района Бостона, где все линии электропередач были увешаны кроссовками² и где, даже не затевая драк, приходилось драться до победного, чтобы выжить.

Подслушивая, я разобрал, как дядя Трой прорывал у порога: «Это еще что за хрень?» Мне понравилось, как он произнес слово «хрень». Я вздрогнул от его звучания, а по рукам побежали мурашки.

– Марии не стало всего три недели назад, а ты уже взялась за сомнительные делишки.

Бабушка Мария скончалась во сне меньше месяца назад. Именно я обнаружил ее. Кэт «работала», и ее всю ночь не было дома. Я обнимал бабулю и плакал, пока глаза не перестали открываться. Когда Кэт, наконец, пришла домой с размазанным макияжем и дыша перегаром, то сказала, что это я во всем виноват.

Бабуля устала от моих выходов и решила сбежать.

«Не могу винить ее за то, что она сыграла в ящик, малой. Я бы сделала то же самое, если бы могла!»

В то же утро я сложил свои вещи в спортивную сумку и спрятал ее под кроватью.

Знал, что Кэт не оставит меня у себя.

– Во-первых, следи за языком. Я все еще скорблю. Я внезапно лишилась матери, знаешь ли, – фыркнула Каталина.

– Чушь собачья. У Сэма вообще матери не было. – От голоса Троя дрожали стены, даже когда он говорил спокойно.

– Мальчишка неуправляем. Тупой как пробка и агрессивный, как бродячий пес. Мое присутствие ничем не поможет. Рано или поздно он окажется в колонии для малолетних, – со злостью выпалила моя мать. – Он монстр.

Так она меня и называла. *Монстр.*

Монстр сделал то.

Монстр сделал это.

¹ Округ специального назначения, который объединяет местные государственные начальные и средние школы в разных, преимущественно англоязычных, странах.

² *Кроссовки на проводах* – традиция культуры гетто, которая в том числе отмечает места торговли наркотиками и границы территорий уличных банд.

– Слушай, мне плевать, что думаешь ты и твоя безупречная женушка. Это слишком большая ответственность. С меня хватит. Я не могу отправить его к психотерапевту или к кому там еще. Я в деньгах не купаюсь. – Каталина стукнула по полу каблуком.

Я слышал, как она копается в своей сумочке Chanel в поисках сигарет. Она их не найдет. Я выкурил половину пачки на заднем дворе, пока она ловила кайф в своей спальне. Оставшаяся часть лежала в моей сумке.

– Если проблема в деньгах... – начала Спэрроу.

– Ой, я тебя умоляю, – со злостью перебила Кэт. – Оставь себе свои деньги. И я надеюсь, ты не настолько тупа, чтобы думать, будто ты лучше меня при всей той помощи, которую тебе оказывают муж и целый гарем нянь и воспитателей. Сэм – дьявольское отродье. Мне одной не справиться.

– Ты и не одна, – процедил Трой. – Мы разделили опеку над ним, идиотка.

В груди вспыхнуло пламя. Я не знал, что Спэрроу и Трой имели законную опеку надо мной. Я не понимал, что это значило, но все же это показалось мне важным.

– Или забирайте, или я сдам его в приют. – Кэт зевнула.

Отчасти я даже испытал облегчение. Всегда знал, что Каталина избавится от меня, как только бабушка умрет. Последние несколько дней меня съедало беспокойство, что она подожжет дом вместе со мной, чтобы получить выплату по страховке, или сделает нечто подобное. По крайней мере, я все еще жив.

Я знал, что мать не любила меня. Даже не удостоивала взглядом. А когда все же делала это, то говорила, что я напоминаю ей *его*.

«Те же волосы, как у Эдварда Каллена. Такие же тусклые серые глаза.»

Под «ним» имелся в виду мой покойный отец, Брок Грейстоун. При жизни он работал на Троя Бреннана. Брок Грейстоун был слабым, жалким пронырой. Крысой. Все так говорили. Бабуля, Кэт, Трой.

Моим самым страшным кошмаром было стать таким, как он, именно поэтому Каталина все время говорила мне, как сильно я на него похож.

Дядя Трой тоже не подарок. Я знал, что он был плохим человеком, но в то же время благородным.

Бандиты в моем квартале говорили, что его руки в крови.

Что он запугивал, пытал и убивал людей.

Никто не связывался с Троем. Никто не выставлял его из дома, не орал на него и не говорил, что он худшая ошибка в чьей-то жизни. А еще было в нем что-то такое, отчего казалось, будто... будто он высечен из мрамора. Порой я смотрел на его грудную клетку и удивлялся, увидев, что она вздымается.

Я так сильно хотел быть им, что, стоило мне задуматься об этом, у меня начинало ломить кости.

Само его присутствие казалось более осязаемым, чем присутствие всех остальных.

Всякий раз, когда дядя Трой исчезал посреди ночи, то всегда возвращался весь в синяках и в потрепанном виде. Приносил пончики и не обращал внимания на то, что от него пахло порохом и кровью. Пока мы ели, он рассказывал неудачные шутки за столом, а еще успокаивал Сейлор рассказами о том, что видел, как съехала обитавшая в ее шкафу семейка монстров.

Однажды дядя Трой залил пончик своей кровью, а Сейлор съела его, подумав, что это рождественская глазурь. Тетя Спэрроу чуть не взорвалась от ярости. Она гонялась за ним с метлой по всей кухне под наш с Сейлор залиvistый смех, размахивая ей и даже дважды попав ему по уху. Когда тетя, наконец, поймала его (только потому, что он поддался), дядя Трой повалил ее на пол, перехватил оба ее запястья и страстно поцеловал в губы. Кажется, даже с языком, но потом она ударила его по груди и захихикала.

Все были так счастливы и так много смеялись, что Сейлор даже обмочилась, что произошло с ней в первый и последний раз.

Но потом я почувствовал, как защемило в груди, потому как знал, что позже вечером они отправят меня обратно к Кэт. Это напомнило мне о том, что на самом деле я не был частью их семьи.

Это был единственный хороший момент в моей жизни. Я снова и снова прокручивал его в голове каждый раз, когда лежал в постели и слышал, как пружины кровати Кэт скрипят под тяжестью незнакомца.

– Мы заберем его, – холодно объявила Спэрроу. – А теперь вон отсюда. Мы пришлем документы, как только наш адвокат их подготовит.

В ту же минуту мою грудь наполнило неизвестное теплое чувство, которое я не испытывал никогда прежде. Я не мог его остановить. Оно было приятным. Это надежда? Предчувствие возможностей? Я не мог дать ему название.

– *Рыжая*. – Трой тихо произнес прозвище своей жены.

И вот в один миг все внутри меня вновь похолодело. Он не хотел меня усыновлять. Да и с чего бы? У них уже есть идеальная дочь. Сейлор милая, забавная и *нормальная*. Она не ввязывалась в драки, не вылетала трижды из школы и уж точно не ломала себе шесть костей, вытворяя опасную ерунду, потому что боль напоминала ей, что она все еще жива.

Я не дурак. Я понимал, куда отправлюсь – на улицу. Такие дети, как я, не попадали в семьи. Только в беду.

– Нет, – огрызнулась Спэрроу. – Я все решила.

На миг все замолчали. Я очень испугался. Мне хотелось встряхнуть Кэт и сказать ей, как сильно ее ненавижу. Сказать, что это она должна была умереть вместо бабушки Марии. Что она *заслуживала* умереть после всех ее наркотиков, мужиков и поездок в центры реабилитации.

Я никогда никому не говорил о том, что она спаивала мне стопку рома, чтобы я заснул. А всякий раз, когда Трой и Спэрроу заглядывали к нам без предупреждения – втирала белый порошок мне в десны, чтобы разбудить. Она чертыхалась себе под нос и грозилась, что сожжет меня, если не проснусь.

Мне было семь, когда я понял, что у меня зависимость.

Если я не употреблял белый порошок каждый день, то весь дрожал, обливался потом и кричал в подушку, пока не отключался, выбившись из сил.

К восьми годам я избавился от этой привычки.

Просто не позволял ей дать мне ром или порошок. Слетал с катушек каждый раз, когда она приближалась ко мне с этой дрянью. Однажды я так сильно укусил Кэт за руку, что у меня во рту даже остался кусочек ее кожи, жесткий, солоноватый и с металлическим привкусом.

После этого она больше не предпринимала попыток.

– Тебе чертовски повезло, что моя жена ужасно упрямая, – процедил Трой. – Мы возьмем Сэма, но с условиями – и их будет немало.

– Кто бы мог подумать, – огрызнулась Кэт. – А ну расскажи-ка.

– Ты передашь его нам, подпишешь правовые документы безо всякого торга и не потребуешь ни пенни.

– По рукам, – невесело усмехнулась Кэт.

– Ты свалишь из Бостона. Уедешь куда-нибудь далеко. И под «далеко», Каталина, я подразумеваю место, где он тебя никогда не увидит, а воспоминания о непутевой матери перестанут его терзать. Предпочтительно на другую планету, но, поскольку мы не можем рисковать тем, что инопланетяне встретят тебя и придут к выводу, будто мы все сволочи, то мое требование таково: место по меньшей мере в двух штатах отсюда. А если ты когда-нибудь вернешься (чего я искренне не советую делать) и захочешь его увидеть, тебе придется иметь дело со мной. Оставляя его сейчас, ты лишаешься всех материнских прав. Если я узнаю, что ты лезешь к

этому ребенку... к моему ребенку, – он сделал паузу для выразительности, – то я устрою тебе медленную, мучительную смерть, на которую ты напрашиваешься уже почти десять лет. И заставлю в зеркале наблюдать за собственной кончиной, бесполезное ты создание.

Я верил ему.

И знал, что она тоже поверила.

– Вы больше никогда меня не увидите. – Голос Кэт зазвенел, будто ее горло было наполнено монетами. – Он прогнул до самого нутра, Трой. Потому ты его и любишь. Ты видишь в нем самого себя. Его тьма взывает к тебе.

Тогда-то я и превратился в соляной столб. По крайней мере, так мне показалось. Я боялся, что рассыплюсь в пыль, стоит кому-то ко мне прикоснуться.

Я могу быть таким, как Трой.

Во мне жила тьма. И жестокость. И все то, из чего складывалось его величие.

Во мне были те же голод и презрение к миру, а еще сердце – просто сердце, орган, внутри которого не происходило ничего особенного.

Я мог оставить прошлое.

Стать кем-то другим.

Стать *кем-то*. Точка.

Я никогда прежде не рассматривал такую возможность.

Вскоре Кэт ушла. А Трой и Спэрроу заговорили. Я слышал, как Трой налили себе выпить. Они говорили об адвокатах и о том, что сказать Сейлор. Спэрроу предложила отправить меня в школу Монтессори³, что бы это ни было. Я на цыпочках подошел к кровати, слишком уставший, чтобы беспокоиться о собственном будущем. Колени подкосились, и я почувствовал, как вяленая говядина подступает к горлу. Метнулся в туалет и опустошил желудок.

Сирота. Ошибка. Монстр.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем они зашли в мою комнату.

Я притворился, будто сплю. Не хотел говорить. Мне хотелось лишь лежать с закрытыми глазами из страха, что они все же решат, что не хотят оставлять меня себе, или скажут что-то такое, чего я не хочу слышать.

Я почувствовал, как прогнулась кровать, когда Спэрроу присела на край. Здесь у меня было постельное белье белого и зеленого цветов баскетбольного клуба «Бостон Селтикс», игровая приставка, телевизор и футболка Билла Рассела⁴ на стене. Стены комнаты выкрашены в зеленый цвет и увешаны фотографиями в рамках, на которых я был запечатлен с Троем, Спэрроу и Сейлор в Disney, в киностудии Univesal и на Гавайях.

А в моей комнате в доме Кэт была только кровать, комод и мусорное ведро.

Ни краски на стенах. Ни фотографий. Ничего.

Я никогда не задавался вопросом, почему Бреннаны брали меня к себе.

Почему я был частью этой ненормальной договоренности.

– Мы знаем, что ты не спишь. – Дыхание Троя, пахшее виски, коснулось моих волос, упавших на глаза, и мой нос дернулся. – Надо быть идиотом, чтобы заснуть в такую ночь, а мой сын не идиот.

Я открыл глаза. Его силуэт занимал большую часть комнаты.

Спэрроу опустила руку мне на спину и принялась выводить круги ладонью.

Я не рассыпался в пыль.

Выдохнул.

И все же я не соляной столб.

³ Альтернативный тип учебного заведения и своеобразная образовательная технология, в основе которой лежат идеи разновозрастного обучения, отсутствия уроков и свободного построения распорядка дня, систематической деятельности учащихся.

⁴ Американский профессиональный баскетболист. Играл на позиции центрового за команду НБА «Бостон Селтикс».

– Ты мой настоящий отец? – выпалил я, но не нашел в себе смелости посмотреть ему в глаза, когда задал вопрос: – Кэт залетела от тебя?

Уже давно надо было об этом спросить. Только это все и объясняло.

– Иначе ты вообще не стал бы уделять мне так много времени. Не может быть, чтобы вы позволяли мне проводить здесь время только потому, что бабушка Мария когда-то драила ваши туалеты. Я твой внебрачный сын?

– Ты не внебрачный ребенок и ты не мой сын, – прямо сказал Трой, отведя взгляд к окну. Перед ним простирались очертания Бостона на фоне неба. Все то, чем он владел и заправлял. – Во всяком случае, не родной.

– Я Грейстоун, – упорствовал я.

– Нет, – процедил он. – Ты Бреннан. У Грейстоунов нет сердечного гена.

Я никогда не слышал об этом гене. С другой стороны, я почти каждый день прогуливал школу, предпочитая курить возле баров и продавать все, что украл за день, чтобы купить себе обед.

– Я не идеальный. – Я сел, сердито глядя на них. – Так что если хотите идеального послушного ребенка, то выгоните меня прямо сейчас.

– Мы и не хотим, чтобы ты был идеальным. – Спэрроу принялась гладить меня быстрее, напористее. – Мы просто хотим, чтобы ты был нашим. Нашим Сэмюэлом. Даром Божьим. В Библии Самуил был дарован Анне после долгих лет молитв. Она думала, что бесплодна. Ты знаешь, что это значит?

– Значит, что женщина не может иметь детей. – Я вздрогнул. Чтобы иметь детей, их сначала нужно сделать, а я прекрасно знал, как люди их делают – несколько раз видел, как Каталина практиковалась со своими клиентами, – и это было чертовски мерзко.

Спэрроу кивнула.

– После рождения Сейлор врачи сказали, что я больше не смогу забеременеть. Оказалось, что мне это и не нужно. У меня есть ты. На иврите твое имя означает «Бог услышал». *Шмуэль*. Бог услышал мои молитвы и превзошел все мои ожидания. Ты исключительный, Сэмюэл.

Исключительный. Ха. Таким словом я бы описал известную картину или тому подобную хрень, но точно не девятилетнего бывшего наркомана и выздоравливающего алкоголика, который к тому же был активным курильщиком и вдвое меньше своих сверстников.

Мое детство было настолько отстойным, что от наивности уже давно ничего не осталось, и если Спэрроу думала, что пара домашних обедов и поглаживаний по спинке это изменят, то ее ждал неприятный сюрприз.

– Скажите мне, почему я здесь. Почему не в приюте. Я уже достаточно взрослый, чтобы знать, – потребовал я, сжимая руки в кулаки и стискивая челюсти. – И не надо говорить мне о Библии. Может, Господь и услышал Анну, но меня Он точно не слушал.

– Ты здесь, потому что мы тебя любим, – сказала Спэрроу как раз в тот момент, когда Трой ответил:

– Ты здесь, потому что я убил твоего отца.

Воцарилась тишина. Спэрроу вскочила с кровати и уставилась на мужа, вытаращив глаза. Ее рот открылся, как у рыбы. Трой продолжил:

– Он сказал, что заслуживает знать. И он прав, Рыжая. Правда в том, Сэм, что незадолго до своей смерти твой отец похитил Спэрроу с явным намерением ее убить. Я должен был спасти жену и сделал это без раздумий. Я хотел, чтобы в твоей жизни была отцовская фигура. Человек, на которого ты мог бы равняться. План состоял в том, чтобы время от времени водить тебя на баскетбольные матчи. Давать тебе наставления, советы и обеспечить солидную сумму на обучение в колледже, чтобы ты мог стартовать в жизни. Привязываться к тебе никогда не входило в мои планы, но это все равно произошло. – Он посмотрел мне прямо в глаза. – Я очень быстро понял, что ты не проект. Ты часть моей семьи.

– Ты убил моего отца, – повторил я.

Я знал, что Брок Грейстоун умер, но Каталина и бабушка Мария всегда говорили, что это случилось в результате несчастного случая.

– Да, – прямо ответил он.

– Кто об этом знает?

– Ты. Я. Кэт. Тетя Спэрроу. Бог.

– Бог тебя простил?

Трой ухмыльнулся.

– Он подарил мне тебя.

Есть те, кто сказал бы, что это наказание.

Теперь Брок мертв, а Кэт сбежала. Бреннаны – мой единственный шанс выжить, нравится мне это или нет.

– Все хорошо? – спросил Трой. От южного акцента слово прозвучало скорее как «ха-ашо?».

Я уставился на него, не зная толком, что мне думать или делать.

– А теперь я схожу за пончиками. – Он наклонился за моей сумкой и достал оттуда пачку сигарет Кэт. Время близилось к полуночи. Ясно, что он собирался на одно из своих «дел».

– С пончиками все всегда становится лучше, – заметила Спэрроу, подхватывая его ложь. – Будь осторожен, милый.

Трой наклонился и поцеловал ее в макушку.

– Всегда, Рыжая. А ты... – он взъерошил мне волосы своей крупной ладонью, – завязывай с сигаретами. От этого дерьма и помереть недолго.

В этот момент я решил, что буду курить, пока не откажут легкие. Не потому, что хотел перечить дяде Трою, а потому, что перспектива умереть молодым показалась мне весьма заманчивой.

Когда он ушел, я обратился к Спэрроу. Нервы были на пределе. Я опасался, что меня снова вырвет, только на этот раз ей на колени. А меня никогда не рвало, и я никогда не плакал.

– Он не хотел меня забирать, – сказал я.

Она провела пальцами по моим волосам, поправляя растрепанные пряди.

– Да, не хотел. Но только потому, что не хотел, чтобы твоя мать навсегда ушла из твоей жизни.

– Но тебе на это плевать. Почему?

– Потому что я знаю, что лучше не иметь вовсе никакой матери, чем плохую. Каждый день, что ты проводил с ней, отзывался болью в моем сердце.

– Бабуля тоже ушла.

– Она не уходила, милый. Она умерла. От нее это не зависело.

– Мне все равно. Я ненавижу женщин. Ненавижу их.

– Однажды ты встретишь ту, которая изменит твое мнение. – Спэрроу улыбнулась украдкой, будто знала что-то, чего не знал я. Но она ошибалась.

Бабуля умерла и оставила меня с Кэт.

Кэт несколько раз чуть меня не убила.

На женщин нельзя полагаться. На мужчин тоже, но им я хотя бы мог врезать по яйцам, и к тому же мужчины никогда не давали обещаний. У меня не было ни отца, ни деда, на которых я мог бы злиться.

– Я никогда не изменю своего мнения, – пробубнил я, стараясь держать открытыми глаза, которые так и требовали, чтобы я вырубился.

Я заснул на руках у Спэрроу через несколько часов после ухода Троя.

А когда проснулся следующим утром, то увидел на своей тумбочке золотую цепочку.

Я рассмотрел висящий на ней талисман с изображением Святого Антония. По краю круглого амулета были выгравированы мои инициалы.

С. О. Б.

Сэмюэл Остин Бреннан.

Несколько лет спустя я узнал, что Трой и Спэрроу подали ходатайство об официальной смене моей фамилии с Грейстоуна на Бреннана вместе с заявлением на полную опеку надо мной.

Я знал, что Святой Антоний был покровителем всего, что потеряно.

Я был потерян, но теперь меня нашли.

Рядом с кулоном стояла бумажная тарелка с глазированным пончиком и кружка горячего какао.

Теперь я стал Бреннаном.

Представителем элиты бостонского преступного мира.

Привилегированной, уважаемой, а главное, внушавшей страх.

Легендой в процессе становления.

Я намеревался любой ценой стать похожим на своего однофамильца.

Я больше никогда не буду потерян.

Мои родители потерпели поражение, но я? Я одержу верх.

Я восстану из пепла и заставлю их гордиться мной.

Я воспарю в небо.

Я впервые испытывал это чувство.

Уверенность.

Эшлинг

17 лет

Сердце – монстр.

Вот почему оно заперто в клетке за нашими ребрами.

Я знала это с самого рождения, но сегодняшней ночью еще и *почувствовала*.

Через двадцать минут после того, как умчалась из Бостона по массачусетской автомагистрали, я, наконец, смирилась с тем, что потеряна.

Я ехала с опущенными стеклами, а потоки влажного летнего воздуха хлестали по мокрым щекам. Слезы все не стихали.

Сладкий и пьянящий аромат цветов проникал в ноздри, смешиваясь с ночной прохладой.

Она больше никогда не почувствует запах весенних цветов.

Не улыбнется мне лукаво, будто за этой улыбкой кроются все тайны вселенной.

Не прижмет платье к моей груди, взволнованно поводя плечами и восклицая: «Tres⁵ для тебя!»

Зачем ты это сделала, Би?

Ненавижу тебя, ненавижу, ненавижу.

Вдалеке замелькали неоновые огни на палатках в желтую и красную полосу. В центре огромного сверкающего колеса обозрения висела вывеска.

Передвижной парк развлечений «Аквила».

Заглушить чувства.

⁵ В переводе с французского: «очень, как раз».

Мне нужно заглушить чувства.

В огнях, запахах и звуках, среди простой жизни, что мне не принадлежала.

Я резко свернула направо.

Припарковалась среди внедорожников, побитых и спортивных машин, вылезла из своей «Вольво», одетая в черную толстовку с капюшоном, обрезанные шорты и кроссовки. Шорты Дейзи Дьюк⁶ были моим творением. Я взяла старую пару джинсов и обрезала их так коротко, чтобы округлость моих ягодич была видна даже из космоса. Обычно я носила наряды, как у Кейт Миддлтон. Одевалась строго и правильно, как принцесса. Но сегодня я хотела окончательно вывести *ее* из себя за то, что умерла и оставила меня. Послать *ее* куда подальше за то, что решила уйти.

Американки обнажаются так, будто мужчины не знают, что скрывается под их одеждой. А ты, моя cheri⁷, заставишь мужчину заслужить каждый сантиметр твоего тела и будешь одеваться прилично и скромно, поняла?

Ноги сами несли меня вперед, отовсюду доносились аппетитные запахи сладкой ваты, попкорна с маслом и яблок в карамели.

Ей не нравилось, когда я ела вредную еду.

Она говорила, что американцы имеют привычку плохим питанием доводить себя до диабета второго типа. У нее было много чуть ли не ксенофобских убеждений об американцах, и половину своего времени я проводила, споря с ней о достоинствах Америки.

Вокруг аттракционов в качестве границы выстроились ряды палаток с живыми выступлениями, киоски и небольшая галерея игровых автоматов. Их перезвон, перемежаемый механическими звуками аттракционов, отдавался эхом в моем пустом желудке. Расположенное в самом центре колесо обозрения купалось в море огней.

Купив себе розовую сахарную вату и диетическую колу, я стала бродить по территории.

Всюду были парочки, которые целовались, смеялись и ссорились. Группы громко орущих и улюлюкающих подростков. Кричащие родители. Бегающие дети.

Я была неразумно, до безумия зла на них всех.

За то, что живы.

За то, что не скорбят вместе со мной.

За то, что принимают как должное редкую ценность своего состояния: они живы и здоровы.

Я выбросила остатки сладкой ваты в помойку и огляделась вокруг, решая, какой аттракцион посетить первым. Краем глаза заметила огромную вывеску.

«Калейдоскоп ужасов: Путешествие в особняк с привидениями».

Особняки с привидениями – это мое поприще.

В конце концов, я как раз жила в одном из них – мой дом хранил секреты семи поколений Фитцпатриков, – а еще меня всегда привлекали призраки и монстры.

Я заняла очередь и стала переминаться с ноги на ногу, проверяя телефон. Меня искали и мама, и братья.

Киллиан:

Где ты, Эшлинг? Сейчас же перезвони мне.

Хантер:

Привет, сестренка. У тебя все хорошо? Похоже, ты вляпалась в серьезные неприятности. Шлю обнимашки из Калифорнии.

⁶ Радикально короткие шорты из джинсовой ткани в 1956 году предложила компания Wrangler. Получили широкую популярность в 1970-х годах благодаря актрисе Кэтрин Бах.

⁷ В переводе с французского: «моя дорогая».

Мама:

Я слышала о случившемся. Это ужасно, дорогая. Пожалуйста, возвращайся домой, чтобы мы могли все обсудить. Как же страшно, что ты все это видела.

Мама:

Ты же знаешь, как сильно я волнуюсь, когда не могу до тебя дозвониться. Ты должна вернуться домой, Эш.

Мама:

Ох, Эшлинг, и что же мне делать? Ты даже не заварила мне травяной чай перед уходом. Да я тут с ума схожу!

В этом вся мать. Зациклена на себе, даже когда мой мир разлетается на мелкие осколки. Всегда беспокоится о своем благополучии больше, чем о моем.

Я убрала телефон обратно в карман и, вытянув шею, посмотрела на тележки, которые выехали из пасти злобного смеющегося клоуна. Из недр аттракциона доносились приглушенные крики. Выехавшие оттуда люди на дрожащих ногах вылезали из тележек и возбужденно переговаривались.

Когда меня наконец посадили в одну из тележек, которая оказалась похожа на ветхий ящик, измазанный красной краской, символизирующей кровь, я оказалась одна, хотя в ней хватило бы места еще для двоих человек.

Я знала, что на аттракционе в парке развлечений со мной ничего не случится.

И все же сегодня чувствовала себя потерянной, уязвимой и невыносимо одинокой. Будто кто-то одним махом сорвал с меня кожу, оставив беспорядочную груду костей, вен и мышц.

Я только что потеряла лучшую подругу. Единственную, которая была мне важна.

Я дернула за рукав парня, управлявшего аттракционом.

– Так, все кончай.

Он медленно окинул меня оценивающим взглядом, задержав его на обнаженных бедрах.

– Черт, милая, я бы с удовольствием. Но придется подождать до конца моей смены. Мне нужны деньги, – невнятно пролепетал он, будто бы под кайфом.

Я вцепилась в рукав его толстовки, в отчаянии отбросив четырнадцать лет уроков этикета.

– Нет! Можешь посадить ко мне в тележку кого-то еще? – В моем голосе послышалась надежда.

– Подруга, да этот аттракцион для всех, кто перерос отметку в метр двадцать. – Он с хмурым видом смахнул мою руку. – Жива останешься.

– Я знаю. Дело не в том, что я боюсь. Просто я...

– Послушай... – он поднял руку, прерывая мой словесный поток, – если я не буду нажимать на ту красную кнопку каждые три минуты, то останусь без работы. Ты вылезаеть или возьмешь себя в руки?

Я уже собралась ответить, что все нормально и я просто веду себя глупо, как вдруг кто-то выступил вперед и встал в самое начало очереди.

– Она возьмет себя в руки, ваше обкурившееся благородие.

Завеса непролитых слез застлала обзор, и я поняла: если постараюсь их смахнуть, то все увидят, что я плачу. Мне было так стыдно, что хотелось умереть. Расплывшийся перед глазами парень-наркоша послушно поднял металлическую перекладину и, опустив голову, спешно пробурчал приветствие подошедшему к нам незнакомцу.

Тот сел в мою тележку, прижал металлическую перекладину к нашим животам и выбросил сигарету, окутав нас пеленой дыма.

Я вытерла глаза и, сгорая от стыда, одними губами произнесла «спасибо». А когда подняла голову и мы встретились взглядом, все у меня внутри разбилось, словно стеклянный потолок, который пробилась сверхновая звезда.

Он.

Я не знала его, но мечтала о нем.

Этот мужчина приходил ко мне во снах каждую ночь с тех пор, как мне исполнилось девять.

С тех пор, как я начала украдкой читать под одеялом любовные романы о храбрых рыцарях и влюбленных в них принцессах.

Красивых и благородных, с глазами, взгляд которых мог пронзить душу.

На вид ему было чуть за двадцать. Волосы рыжеватого-коричневого цвета растрепались от ветра и выглядели сексуально в своей неопрятности. Глаза – словно две серебристые луны, – из тех, что меняют цвет в зависимости от освещения. Его кожа сияла, будто его окунули в золото, и он был таким высоким, что его колени торчали из тележки. На нем была черная футболка с треугольным воротом, облегавшая мускулистую грудь и бицепсы, и черные джинсы с дырками на коленях.

На его шее, на потрепанном кожаном шнурке, висел талисман с изображением Святого Антония.

– Я... Я Эшлинг. – Я протянула ему руку.

Наша тележка дернулась вперед и закрипела, когда пара девчонок моего возраста запрыгнули в вагончик позади нас, с жаром обсуждая девушку по имени Эммабелль, которая училась с ними в одной школе и, судя по всему, переспала с половиной футбольной команды, а другой половине отсосала.

Парень не обратил внимания на протянутую ладонь. Я сглотнула, убрала руку и опустила ее себе на колени.

– Плохая ночка? – Он задержал взгляд на моих припухших глазах.

– Хуже не бывает. – Мне даже не хватило воспитания, чтобы вежливо улыбнуться.

– Очень в этом сомневаюсь.

– О, готова поставить что угодно на то, что у меня ночь проходит хуже, чем у всех остальных в этом парке аттракционов.

В ответ он вскинул бровь, показав, что в его красоте таилось нечто дьявольское, перед чем, как я подозревала, немногие женщины могли устоять.

– На твоём месте я бы не стал заключать со мной пари.

– Да ну? И почему же?

– Я всегда выигрываю.

– Все когда-то бывает в первый раз, – тихо ответила я, начиная думать, что он, на мой взгляд, был слишком уж самоуверенным. – Готова поставить что угодно на то, что у меня выдалась ночь хуже, чем у всех присутствующих в парке аттракционов.

– В самом деле? *Что угодно?*

– В разумных пределах. – Я расправила плечи, опомнившись.

Она всегда велела мне вести себя определенным образом. Если бы *она* сейчас парила надо мной в виде призрака, то точно не оценила бы мой наряд. Меньшее, что я могла сделать, это хотя бы не лишиться девственности с этим красивым незнакомцем в результате глупого пари.

– Что-то мне подсказывает, что ты самая разумная среди всех. – Он покрутил зажигалку между длинными пальцами, и это движение показалось мне на удивление успокаивающим.

– Среди кого?

– Детей в семье.

– Откуда ты вообще знаешь, что у меня в семье есть еще дети? – Я приподняла брови от удивления.

Он дерзко посмотрел на меня, а его глаза говорили мне то, что не имел права говорить ни один незнакомец. Казалось, будто ему принадлежал весь мир, а поскольку я была его частью, то он мог заполучить и меня тоже. И внезапно я осознала, что все происходящее очень странно и в некоторой степени опасно.

Я хотела раздеться перед этим мужчиной, а мне никогда не хотелось раздеваться ни перед одним мужчиной, ни по какой причине, в особенности романтической – и я имею в виду не только одежду.

Я хотела заставить его взорваться, как пиньяту⁸, пробраться в самое его нутро и откопать все его качества, черты характера и дурные привычки. Кто он такой? Какое у него прошлое? Почему он заговорил со мной?

– Ты думаешь, что в тебе нет ничего особенного, – тихо сказал он.

– Разве люди считают себя особенными?

– Только те, которые таковыми не являются.

– А мне что-то подсказывает, что ты главный бунтарь среди детей в твоей семье. – Я заправила волосы за уши.

Он усмехнулся, и я прочувствовала это до самого нутра. Будто воздух вдруг накалился от одного лишь его довольства.

– *В точку.*

– Должно быть, в детстве ты был настоящим безобразником. – Я склонила голову набок, будто под другим углом смогла бы увидеть его образ в возрасте девяти или десяти лет.

– Таким, что мать выгнала меня, когда мне было девять.

– О, мне жаль, – пискнула я.

– А мне нет. Избежал верной смерти.

– А твой отец?

– А он нет. – Незнакомец достал пачку сигарет, которую хранил в закатанном рукаве рубашки, а-ля Джек Николсон в «Пролетая над гнездом кукушки». Прикрыл рот ладонью и поджег еще одну «раковую палочку». Я заметила, что Наркоша увидел это, но не сказал ни слова. – Его застрелили, когда я был ребенком.

– Заслуженно? – неожиданно поинтересовалась я.

– Безусловно. – Горячий Незнакомец сделал затяжку, и оранжевый уголек на конце сигареты вспыхнул, совсем как штуковина в моей грудной клетке. – А что твои родители?

– Оба живы.

– Но кто-то все же умер. Иначе ты бы не плакала. – Он спиралью выпустил струю серого дыма в небо, и мы оба наблюдали, как он рассеивается над нами.

– Да, я кое-кого потеряла сегодня вечером, – призналась я.

– Кого?

– Без обид, но это не твое дело.

– Я не в обиде, но будет тебе известно... – он приподнял мой подбородок рукой, в которой держал сигарету, – все в округе Саффолк – мое дело, милая, и сейчас ты находишься в его пределах, так что подумай еще раз.

Меня охватило странное чувство. Внутри боролись страх, желание и ощущение нашего сходства. Он был прямолинейным, агрессивным, настоящим бойцом. Каким бы невероятным

⁸ Мексиканская полая игрушка крупных размеров, изготовленная из папье-маше или легкой оберточной бумаги с орнаментом и украшениями. Своей формой пиньяты воспроизводят фигуры животных (обычно лошадей) или геометрические фигуры и наполняются различными угощениями или сюрпризами для детей (конфеты, хлопушки, игрушки, конфетти, орехи и т.п.).

это ни казалось, я знала, что мы оба повреждены в одном и том же месте, пускай и травмированы по-разному.

Наша тележка пришла в движение и проехала через шторку из черного винила. Огромный пластмассовый зомби наклонился вперед из облака зеленого дыма и злобно рассмеялся мне в ухо.

«Монстр тебя поймает».

Вокруг были кружащиеся чудища, кричащие зомби, которые плевали водой нам в лица, и собравшееся за ужином семейство трупов. Их ребенок стрелял в нас лазерами из красных глаз.

Вереница тележек медленно и неукротимо поднималась наверх. Люди вокруг нас визжали от возбуждения.

– Ты когда-нибудь чувствуешь себя потерянным? – прошептала я.

Моя ладонь лежала на поцарапанной пластиковой скамейке, когда незнакомец накрыл ее своей и переплел наши пальцы. Его ладонь была теплой, сухой и мозолистой. Моя – холодной, мягкой и потной. Я не стала ее убирать, даже когда пространство вокруг меня начало гудеть от опасности, сгущая воздух и лишая меня кислорода.

Играй с монстрами, но не удивляйся, когда они тебя одолеют.

– Нет. Мне пришлось найти себя еще в юном возрасте.

– Везунчик.

– Я бы не стал описывать себя этим словом, – усмехнулся он.

– Значит, ты не ирландец? – я не смогла сдержать любопытства.

Он даже не был похож на ирландца – слишком высокий, слишком широкоплечий, слишком загорелый, но говорил с тем же южным бостонским акцентом, что и большинство ирландцев из рабочего класса.

– Ну, это с какой стороны посмотреть, – ответил он. – Вернемся к нашей теме: ты потеряна.

– Да, верно. – Я прокашлялась, вновь подумав о ней. – Не думаю, что когда-нибудь найду себя. У меня мало друзей. Вообще-то у меня была всего одна настоящая подруга, и сегодня она умерла.

– Не нужно ничего искать. Смысл жизни не в том, чтобы найти себя. А в том, чтобы создать. Есть некая свобода в том, чтобы знать собственную суть, все, на что ты способен. Когда беззастенчиво остаешься собой, становишься непобедимым. – Его голос проникал в меня, задевая за живое. Мы крепче сжали пальцы друг друга. Наша тележка то и дело шаталась из стороны в сторону, а зомби махали руками, пытаясь нас схватить. Люди вокруг хихикали и кричали.

В отличие от всех остальных, он не выразил соболезнований в связи с моей утратой.

– И кто же ты такой? – спросила я еле слышно.

– Монстр.

– Нет, я серьезно, – возразила я.

– Это правда. Я процветаю во тьме. Моя задача – вселять страх, и для некоторых людей я настоящий кошмар. Как и все монстры, я всегда беру то, что хочу.

Мы достигли самой высокой точки. Вершины.

– И сейчас, Эшлинг, я хочу тебя поцеловать.

Тележка дернулась назад, заскрипела, а потом наклонилась обратно и понеслась вперед, набирая скорость.

Незнакомец заглушил мой крик поцелуем. Его горячие, солоноватые губы властно прильнули к моим. Все мои запреты, страхи и тревоги испарились. От него пахло сигаретами, мятной жвачкой и сексом. *Мужчиной*. Я отпустила перила и, вцепившись в тонкую ткань его

футболки, притянула его ближе, утопая в том, кем мы были в этот момент. Монстр пожирал принцессу, и нигде поблизости не было рыцаря, который мог бы ее спасти.

Он наклонил голову и обхватил мою щеку ладонью, второй рукой придерживая мой затылок. Языком разомкнул мои губы и коснулся языка – сперва нежно, – пока я не позволила углубить поцелуй. Наши языки сплетались вместе, танцуя, дразня, изучая. Желудок ухнул вниз, волнение рассеялось.

Мир казался другим. Ярче. Больше.

Между ног разлилось тепло, бедра, будто по собственной воле, подались вперед. Я ощущала мучительную пустоту. Сжала ноги вместе и как раз в этот момент почувствовала дуновение свежего воздуха на лице.

Аттракцион закончился.

Мы выехали обратно на улицу.

Он разорвал поцелуй и отстранился с бесстрастным выражением лица. Пугающе спокойным.

Девушки в тележке позади нас забормотали: «охренеть», и «это было горячо», и «да, это точно он, Тифф».

Кто он?

– Первый поцелуй? – незнакомец большим пальцем вытер капельку слюны с уголка моих губ. В его глазах плясало жестокое веселье. Будто я игрушка. Что-то смехотворное, легко заменимое. – Еще научисься.

Девчонки позади нас захихикали. Моя душа включила воображаемый ноутбук и зашла на сайт риелторской компании в поисках подходящего места, где я могла бы зарыться от стыда.

– Ты правда не скажешь мне свое имя? – Мой голос прозвучал хрипло. Я прокашлялась. – Представь, что сейчас с тобой и правда случился мой первый поцелуй. У меня может остаться рана на всю жизнь. Ты мог меня травмировать. Я больше никогда не смогу доверять другому мужчине.

Наркоша поднял металлическую перекладину и зашагал вдоль тележек.

– Время истекло. Все на выход.

Незнакомец смахнул волосы с моего лица.

– Переживешь, – прохрипел он.

– Не стоит быть таким уверенным.

– Не стоит меня недооценивать. Я до хрена много знаю о людях. К тому же, я уже сказал тебе, что меня зовут Монстр.

– Ну-ну, может быть это твое прозвище, но... – начала я.

– Прозвища говорят больше, чем имена, данные при рождении.

Я была вынуждена согласиться. Отец называл моего старшего брата, Киллиана, *mo orga*, что в переводе с ирландского гаэльского означало «мой золотой», а нашего среднего брата, Хантера, – *seann beag*, что означало «мальш».

Мне он никогда не давал прозвища.

Мое имя означало – «видение», «мечта». Возможно, ею я и была для своего отца. Чем-то ненастоящим, неосязаемым, незначительным. Я должна была воплощать фантазию. Быть красивым сосудом, который он может выставлять напоказ.

Хорошенькая, правильная дочурка, которую нет необходимости готовить к какой-то важной задаче: например, однажды возглавить его компанию или подарить ему наследников мужского пола. Я была его подарком моей матери и играла свою роль, слепо обожая и выполняя все ее прихоти. А вдобавок спасая ее от скуки походами по магазинам и созданием друг другу причесок в часы, когда он уезжал по делам.

Теперь я собиралась поступить в медицинский колледж, чтобы после его окончания могла позаботиться и о ее физическом здоровье. Джейн Фитцпатрик ненавидела обращаться к врачам. Говорила, что они осуждали и неправильно понимали ее.

Я не могла дождаться того дня, когда получу диплом, чтобы заменить ее лечащего врача и поставить еще одну галочку в невыполнимом списке желаний, который составили для меня родители.

– Я не боюсь монстров. – Я расправила плечи.

Удовлетворенный моим ответом, он щелкнул меня по подбородку.

– Может, ты одна из нас. Ты ведь сама только что сказала, что не знаешь, кто ты.

Я хотела пойти за ним. Гордость не помешала бы мне ходить за ним по пятам и расспрашивать, что он имел в виду. Но он, оказавшись проворнее, быстро вылез из тележки и с тигриной грацией ушел.

Исчез среди кружащихся огней и тел, растворившись в воздухе, как и все монстры.

Я пришла сюда, чтобы заглушить чувства.

А теперь едва могла дышать.

* * *

Прошло три часа, а меня все еще переполняли адреналин и боль. Я прокатилась на всех аттракционах. Съела слишком много сладостей. Пила рутбир⁹, сидя на лавочке, и наблюдала за людьми. Развлечение не помогало притупить боль. Я без конца проигрывала в голове момент, когда нашла ее мертвой, будто пыталась наказать себя за... что? За то, что не пресекла это? Не приехала раньше?

Я никак не могла это предотвратить.

Разве? Она просила тебя о помощи. А ты ее не оказала.

Я всю ночь искала Монстра, даже когда сама того не желала. Окидывала взглядом очереди, парочки и толпы людей.

Я начала гадать, не выдумала ли его. В нашей встрече все казалось невероятным.

Зайдя в мобильную туалетную кабинку, я заметила, что на внутренней стороне двери красовались недавно нацарапанные слова. Слова, которые будто были предназначены именно мне.

Страсть мимолетна, любовь остается.

Страсть нетерпелива, любовь ждет.

Страсть обжигает, любовь согревает.

Страсть опустошает... А любовь? Любовь убивает.

С.О.Б.

Когда часы пробили полночь, я сдалась. Мне его не найти.

Телефон разрывался от уведомлений, и я поняла, что родители отправят за мной поисковый отряд, если не вернусь домой.

Пропажа семнадцатилетней девушки не считалась серьезной проблемой, если с момента, когда ее видели в последний раз, прошло всего восемь часов.

А пропажа семнадцатилетней наследницы, чей отец был одним из богатейших людей в мире, несомненно, представляла собой проблему, и я не сомневалась, что моя семья поднимет шум.

Я Фитцпатрик, а Фитцпатрики всегда должны быть под защитой.

⁹ Сладкий североамериканский безалкогольный напиток, традиционно изготавливаемый с использованием коры корня сассифрасового дерева.

Я снова посмотрела на экран телефона.

Мама:

Я начинаю волноваться все сильнее. Напиши мне, пожалуйста. Я понимаю, что ты расстроена, но своим исчезновением ты расстраиваешь всех нас! Я не могу заснуть. А ты знаешь, как мне важно выспаться.

Мама:

Твой отец обвинит в случившемся меня. Надеюсь, ты получаешь удовольствие от того, что втягиваешь меня в неприятности, Эшлинг.

Ох, *Merde*¹⁰. Да хватит уже, мама.

Хантер:

У па будет сердечный приступ, сестренка. Так, к слову. (Еще больше обнимашек из Калифорнии.)

Киллиан:

Хватит драматизировать. Она была прислугой.

Папа:

Сожалею о твоей утрате, Эш. Возвращайся домой, пожалуйста.

Под ногами хрустели листья, пока я шла к маминому «Вольво ХС90». Я уже собралась открыть дверь, сесть в машину и помчаться обратно домой в поместье Эйвбери-корт, как вдруг услышала это. Хруст, который не имел никакого отношения к листьям под подошвами. Я резко подняла голову в темноте. На краю парковки, примерно в трех машинах от моей, был закоулочек, примостившийся среди густой полосы деревьев, которые тянулись к лесу возле шоссе. Уединенный и темный.

– Нет, нет, нет. Прошу. Я знаю, что облажался, но даю слово, я больше не буду.

Кто-то взвыл. Мужчина.

Я прищурилась и присела между моей машиной и «Шевроле Импала», разглядывая две фигуры среди густой листвы. Один из них стоял с пистолетом в руке. Второй опустился перед ним на колени, будто молился безжалостному богу. Возможно, все дело в том, что сегодня ночью я уже стала свидетельницей одной смерти, но даже под натиском адреналина не смогла удариться в истерику, которая сейчас, вероятно, должна была меня настигнуть.

– Ложью ты ничего не добьешься, – резко перебил стоящий мужчина.

– С чего ты взял, что я...

– Ты шевелишь губами, – он ударил стоящего на коленях мужчину носком ботинка, и тот издал звериный вопль. – Я предупреждал, что третьего раза не будет.

– Но я...

– Твое последнее желание, Мейсон, – мужчина хмыкнул, и у меня похолодела кровь, ведь я узнала этот голос. Я поняла, что узнала бы его где угодно, с сегодняшнего вечера и до самого последнего дня моей жизни.

Это был голос Монстра.

Моего Монстра.

Мужчины, который подарил мне мой первый поцелуй.

¹⁰ В переводе с французского: «черт».

Парень, стоящий на коленях, дрожал, пытаясь сдержать рыдания. Он помотал головой и, наконец, выпалил:

– Если Ники спросит, скажи, что это было связано с наркотиками. Не хочу, чтобы она знала правду. Она и так достаточно настрадалась.

– Скажу. Прощай.

С этими словами Монстр приставил пистолет ко лбу парня и выпустил две пули. Судя по тихому звуку, я поняла, что на пистолете стоял глушитель. Зажала рот ладонью, чтобы подавить крик ужаса, вырвавшийся из горла.

Он убил человека.

Убил человека прямо на виду.

И даже глазом не моргнул.

Ноги задрожали, и я упала на землю, больно ударившись коленями об асфальт. Старалась нащупать ключи в кармане толстовки, в то время как коленки горели и кровоточили.

Беги, merde. Беги.

Я разблокировала машину и забралась на водительское сиденье, лихорадочно вытирая слезы и пот с лица, чтобы видеть четко, и прикусив губу, чтобы сдержать крик.

Этой ночи нет. Она лишь плод твоего воображения.

От удара в окно я подскочила так высоко, что ударилась головой о потолок. Повернулась всем телом и увидела Монстра. Должно быть, он заметил меня или, еще хуже... услышал мой крик. Я завела двигатель дрожащими пальцами, ничего не видя от слез. Монстр небрежно воткнул что-то в дверь и с пугающей легкостью открыл ее, не позволяя мне сдать назад.

Он опустил руки на крышу машины, отчего его бицепсы выступили под короткими рукавами футболки, и посмотрел на меня с безразличным видом.

– А у тебя выдалась адская ночь, малышка Эшлинг. – От его убийственно спокойного голоса становилось только хуже.

– Я ничего не видела! – воскликнула я, отпрянув, будто он собирался меня ударить.

К моему удивлению, он рассмеялся. От души. Исходящий от него гортанный звук показался странным, будто он не привык смеяться.

– Теперь ты веришь, что я монстр? – Он наклонился вперед, приблизившись к моим губам.

Кровь застыла в жилах, и все же на этот раз я, хоть убей, не могла отстраниться. «Наверняка это от шока», – сказала я самой себе. В такой ситуации нужно выбирать между борьбой и бегством, но мое предательское тело выбрало секретный третий вариант: замереть.

Нет. Причиной стал не только страх. Тут замешано что-то еще. Нечто горячее и жгучее. Что-то, чего я не хотела знать о самой себе.

Знай свою суть.

Этот зверь только что всадил две пули в чью-то голову, а мое тело гудит и пылает от страстного желания, чтобы он к нему прикоснулся.

– Ты в самом деле позволишь мне тебя поцеловать? – Он нахмурил брови, едва не касаясь моих губ своими.

Я была околдована. Лишилась дара речи. Нужно пошевелиться.

Шевелись, merde. Шевелись.

Наконец мне удалось помотать головой.

Он прикусил мою нижнюю губу, пососал ее, дразня, а потом провел по ней языком с внутренней стороны.

– Ты прекрасная обманщица, Эшлинг. – Его низкий голос отразился вибрацией у меня в животе. – Тогда, думаю, ты себя нашла. Ты тоже монстр. – Он поцеловал меня снова, прикусывая зубами, а потом вновь отстранился.

– Расскажешь кому-нибудь об этом – я найду тебя и тоже убью. А теперь советую бежать. Далеко и быстро. Даю тебе фору в две минуты, а потом брошусь за тобой.

С этими словами он развернулся и неторопливо пошел прочь. Свет уличных фонарей окутал его силуэт, отчего он стал похож на многогранного злодея, которому втайне симпатизируешь в черно-белом кино. Он сел в машину, припаркованную через ряд от моей.

Неспешно. Уверенно. Источая смертельную опасность.

Я вдавила педаль газа в пол, больше не оборачиваясь.

Ехала так быстро, что, как только я добралась до дома, машина взвыла и заглохла.

* * *

Вскоре после случившегося в парке развлечений «Аквила» мой брат Хантер навсегда вернулся домой из Калифорнии.

Сияющий, загорелый и еще более светловолосый, чем прежде. Он въехал в пентхаус в центре города вместе с девушкой по имени Сейлор, которую наняли за ним присматривать. Я видела ее несколько раз, когда ее мать готовила для нас по особым случаям.

Папе нравилось держать нас всех в ежовых рукавицах, а усмирить Хантера было труднее всего.

Через несколько дней после того, как Хантер и Сейлор съехались, я приехала в гости к нему в пентхаус. Сейлор тогда не было дома, а брат по привычке надолго засел в душе, где, как я подозревала, помногу занимался самоудовлетворением, поскольку ему было запрещено с кем-то встречаться с тех пор, как он вернулся в Бостон.

Я устроила себе экскурсию по гостиной, которую, судя по виду, обставил профессионал перед тем, как квартиру выставили на продажу. Все в ней казалось слишком аккуратным, блестящим и современным, чтобы быть пригодным для жизни. На то, что здесь все же живут люди, указывал только ряд фотографий, стоящих на каминной полке возле панорамного окна. Даже не успев подойти к ним, я поняла, что их туда поставила Сейлор, а не Хантер.

Хантер никогда не считал, что у него есть настоящая семья, и, учитывая, что с шести лет он жил вдали от дома, я не могла его винить.

Любопытство взяло надо мной верх, и я подошла к полке. На первой фотографии была запечатлена рыжеволосая девушка, в которой я узнала Сейлор. Ее юное лицо усыпано веснушками, и на снимке она обнимала темноволосого мужчину средних лет и свою более взрослую копию, в которой я узнала Спэрроу.

На второй фотографии рыжеволосая девушка была на вечеринке в компании двух блондинок ее возраста. Они смеялись, нацепив дурацкие солнцезащитные очки кислотных цветов.

Я узнала сестер Пенроуз. Недавно их показывали в местных новостях, когда они расчищали снег возле домов престарелых.

А на третьей...

На третьей фотографии были Сейлор и Монстр.

Мой Монстр.

Парень из парка аттракционов.

Он смотрел в камеру с угрюмым и серьезным видом, а Сейлор глядела на него, как на луну. Ее проблеск света в бесконечной темноте.

– Ага. Это она. Моя противная соседка, – произнес голос позади меня, и я, вскрикнув, отпрыгнула назад. Прижала ладонь к груди, боясь, что сердце ненароком выскочит из нее.

Быстро обернувшись, я одарила Хантера вежливой улыбкой. Мы по-прежнему были скорее знакомыми, нежели братом и сестрой.

– Она красивая.

Хантер пожал плечами и прошел в гостиную в одном полотенце, обернутом вокруг талии. С его светлых волос капала вода.

– Нормальная.

– Как я понимаю, это ее родители. – Я указала на первую фотографию, изображая невинность.

Он кивнул.

– А кто эти двое? – прикидываясь дурушкой, я показала на сестер Пенроуз. Сердце гулко заколотилось в груди. Я не знала почему, но у меня возникло предчувствие насчет этих девушек. Насчет их компании. Я хотела быть ее частью.

– Персефона и Эммабелль. Ее лучшие подруги. Они сестры. Еще одна мечта из моего списка, которую я не могу осуществить, потому что меня донимает Сейлор.

– Ты о чем? Что ты хочешь с ними сделать?

– Я просто хочу их. – Он закатил глаза и посмотрел на меня, как на полную идиотку.

– А кто этот парень? – непринужденно поинтересовалась я, указывая на Монстра.

Вот он. Важный для меня момент, когда я узнаю его имя. Я не знала, что буду делать, если выяснится, что он ее парень. Как мне сказать брату, что он живет с девушкой, которая встречается с убийцей?

Но нет. Больше всего в мысли о том, что Сейлор и Монстр могут быть парой, меня беспокоило вовсе не это. А то, что у него была девушка. Что он оставил все в прошлом. Ну конечно. Нас связывал лишь поцелуй в парке аттракционов.

Кажется, меня сейчас стошнит.

– Это Сэм Бреннан. – Хантер провел пальцами по волосам, зачесывая их назад. – Ее брат. Ну, приемный в семье, как я понял. Ее родители усыновили его, когда Сейлор едва выросла из пеленок. Тот еще тип и на данный момент главный гангстер Бостона. Все банды и мафиозные семьи Восточного побережья назначили награду за его голову. Его шансы дожить до старости ниже нуля.

Монстр был гангстером.

Ничего удивительного.

Но теперь он обрел имя, личность, окружение.

И скоро все станет чрезвычайно сложно.

Эшлинг 18, Сэму 26

– Ради всего святого, Эшлинг, что ты делаешь? Они приехали. Поторопись! – упрекала меня мать, шагая за мной и стуча каблуками по мраморному полу.

Она сомкнула нежные пальцы на моем запястье и потянула назад.

– Пойдем, ты же знаешь, что мне плохо даются светские беседы. Ты должна спасти меня от общения. Особенно с женщиной. Она сама зарабатывает себе на жизнь. Ты знаешь, как мне некомфортно со средним классом.

Я пошла за ней в вестибюль, а в животе будто обосновался валун размером с Коннектикут.

Сегодня мои родители решили пригласить семью Сейлор на ужин. Мама захотела познакомиться с Бреннанами. Скажем так, таково было ее главное оправдание. На самом же деле она хотела заставить Хантера ее навестить.

И хотя сам Хантер был против этого соглашения, с тех пор, как они с Сейлор съехались, я виделась с ней уже много раз. Мы быстро подружились после благотворительного бала, на котором обе побывали и во время которого она познакомила меня с Персефой и Эммабелль.

Сейлор была забавной, остроумной и преданной. Но как я ни старалась, мне не удавалось заставить ее поговорить о Сэме. Сейлор относилась к нему безумно трепетно и каждый раз, когда я спрашивала ее о семье, она меняла тему.

Дворецкие распахнули двойные двери. На пороге показались Бреннаны. Миссис Бреннан, обладательница рыжих волос и пронизательных изумрудных глаз, держала в руках источавшее пар блюдо.

Зоркие глаза Сэма метнулись ко мне. Он неприятно скривил губы, предостерегая меня, чтобы я своим поведением никак не выдала, что мы уже встречались. Наша встреча не стала для нас неожиданностью. Я не сомневалась, что Сэм знал о том, что его сестра живет с моим братом.

Он даже не удосужился искать со мной встречи.

Отец, не заметивший бушующего во мне необъятного эмоционального срыва, представил меня гостям.

– А это моя дочь, Эшлинг. – *Athair*, что в переводе с гаэльского означало «отец», махнул рукой в мою сторону, будто я какой-то предмет декора.

Джеральд Фитцпатрик был тучным мужчиной с лицом цвета вареной креветки, маленькими глазенками и тремя подбородками.

Сэм слегка кивнул мне, едва взглянув в мою сторону.

– Приятно познакомиться, – холодно произнесла я. Сэм не удостоил меня вниманием.

Мой брат Киллиан был высоким и внушительным, но все равно казался маленьким на фоне Сэма.

– Даже не смотрите на нее, мистер Бреннан. Эшлинг – ростбиф, а не хот-дог, а потому ее нет в вашем меню.

– Киллиан, как не стыдно! – возмутилась мама, будто бы не разделяла его мнения.

Сэм ухмыльнулся, достал из кармана телефон и стал что-то в нем просматривать, словно и не замечал нашего присутствия.

Киллиан подошел к Трою, отцу Сэма.

– Могу я предложить вам и вашей жене экскурсию по поместью Эйвбери-корт?

Мужчина окинул его взглядом. Предполагаю, что наше поместье интересовало Троя Бреннана еще меньше, чем погода в Гамбии.

– Можешь, но я откажусь, – протянул Трой, – на том основании, что ты сво...

– Мы с удовольствием сходим на экскурсию! – Спэрроу толкнула мужа локтем в бок.

Сэм убрал телефон обратно в карман, не обращая внимания на возникшую неловкость. Судя по одному только знакомству, вечер предстоит долгий и мучительный.

– Эшлинг, сходи с ними, пока я проверю повара. Узнай, не нужно ли им что-нибудь, – велела мать, и я поняла, что подразумевалось под этими словами.

Составь им компанию, чтобы мне не пришлось это делать. Чтобы я могла налить себе выпить и еще ненадолго спрятаться в своей комнате.

Я пошла за Троем, Спэрроу, Киллианом и Сэмом. Вместо привычных джинсов и футболки он надел серые брюки и черную рубашку. Его волосы были подстрижены короче. А плечи казались такими широкими, что он загораживал половину коридора.

Мы с ним единственные не участвовали в светской беседе, хотя, казалось, и Трой, и Киллиану безумно наскучило слушать рецепт хлеба на закваске от Спэрроу, согласно которому нужно оставлять тесто «отдохнуть» на солнце, кормить его, разговаривать с ним и вообще обращаться с ним, как с тамагочи.

Мы поднялись на второй этаж. Мой дом был ужасен. Бездушный, сверкающий, как бесконечный вестибюль в отеле. Акценты из известняка и золота мерцали со всех сторон, эффектные шторы и фонтаны били по глазам, куда ни взгляни. Будь у богатых выскочек свое лицо, то им бы стало поместье Эйвбери-корт.

Киллиан показал Бреннанам левое крыло, также известное как семейный зал, и провел по комнатам, рассказывая историю нашей семьи, будто мы Кеннеди.

Сэм постепенно замедлял шаг. Сначала я думала, что он сделал это ненамеренно, но вскоре мы с ним поравнялись, отстав от остальных на пару с лишним метров.

Он первым нарушил молчание.

– Зуд в паху замучил?

Я одарила его решительной улыбкой, которая нисколько не успокоила мои нервы, но отвечать не стала. Одно только его присутствие сбивало меня с толку, будоражило и сводило с ума.

– Ты ужасно медлительная, – продолжил он. Его хриплый голос проникал в мой организм, словно сладкий яд.

– А ты ужасно грубый.

Я смотрела вперед на спины членов наших семей. Киллиан стоял перед портретом Кормака Фитцпатрика, первого представителя рода Фитцпатриков, который приехал в Бостон после Великого голода¹¹. Трой и Спэрроу, похоже, были готовы выброситься из французских окон.

– Уже нашла себя? – поинтересовался Сэм.

Ничего подобного.

Я почувствовала, как щеки краснеют под слоем косметики.

– В тот раз у меня выдалась плохая ночь.

– Это не ответ на мой вопрос. – Он усмехнулся.

Киллиан бросил на нас хмурый взгляд.

– Давайте быстрее. И не забывай, Бреннан: я слежу за тобой.

Сэм улыбнулся моему брату, который был всего на несколько лет старше него.

– И как, нравится увиденное, Фитцпатрик?

– Ничуть. – Киллиан прищурился.

– Просто предупреждаю: я не люблю, когда мне указывают, что делать, но за хорошую цену меня можно мотивировать практически на любые действия.

– И ты этим гордишься? – протянул Киллиан.

– Несказанно. Ты встанешь в очередь за моими услугами, как только твой папочка не сумеет вытащить тебя из дерьма, в которое ты вляпался.

– Не обольщайся, – пробормотал Киллиан.

Сэм замедлил шаг. Меня не удивило, что ему наплевать на предостережения Киллиана.

– У моего брата непростой нрав, – примирительно сообщила я.

– Это всего лишь красивый способ назвать какого-то козлом. Сейлор говорит, что ты собираешься поступать в медицинскую школу.

Я коротко кивнула.

– Зачем?

– Я хочу помогать людям.

– Нет, не хочешь.

Теперь мы окончательно отстали от наших семей. Киллиан увлеченно показывал Спэрроу и Трой библиотеку – предмет гордости и источник радости нашей семьи. Сэм шагнул в небольшую нишу с окном, за которым открывался вид на виноградник, схватил меня за запястье и потащил за собой прочь от чужих глаз.

¹¹ Великий голод в Ирландии произошел в 1845–1849 годах. Худшим годом этого периода был 1847 год, известный как «Черный 47-й». Во время голода около миллиона человек погибло, и еще миллион эмигрировало, в результате чего население Ирландии сократилось на 20–25 %.

Громко вздохнув, я впила ногтями в ладони, оставляя на коже следы от тревоги и предвкушения.

– Ты держала язык за зубами. – Он смотрел на меня так, будто хотел ко мне прикоснуться.

Я знала, что он имел в виду. Я не обратилась в полицию. Ни разу не заикнулась о человеке, которого он убил.

– Мне можно доверять.

– Большинству людей нельзя, – сказал он.

– Я не большинство.

– Я начинаю это понимать. А теперь послушай внимательно. Твой папочка – очень богатый и очень важный человек, а я – очень тщеславный и очень плохой. Я хочу заполучить его бизнес, и ничто не встанет у меня на пути, тем более ты. Так что держись от меня подальше и не смотри таким щенячьим взглядом, будто умоляешь, чтобы я трахнул тебя прямо здесь, на глазах у всей твоей семьи. Ты даже не представляешь, о чем просишь. Такие мужчины, как я, едят подобных тебе девчонок на завтрак. И вовсе не в приятном смысле слова. Поняла?

Я поняла. Игра закончилась, не успев начаться. Сэм был чудовищем, а я принцессой, заточенной в башне из слоновой кости, которую должен спасти кто-то другой. Вероятно, его соперник.

Я кивнула, хотя голова болела, а в носу и глазах защипало от слез.

– Да. Но...

Сэм вскинул бровь, ожидая, когда я продолжу. Я не знала, что сказать.

– Да? – наконец шикнул он.

– Последний поцелуй, – тихо произнесла я. – Я никому не расскажу. Ты же знаешь, что я ни за что тебя не выдам.

Казалось, он обдумал мои слова, а потом наклонил ко мне голову.

– Один поцелуй, – прошептал он, слегка прижимаясь к моему телу. – Последний, ничтожный, глупый поцелуй. И потом не смей возвращаться и требовать большего. – Я разомкнула губы.

Сэм подарил мне чувственный, умопомрачительный поцелуй. Смелый, требовательный и сексуальный, отчего на моем белье появилось влажное, холодное пятнышко. Он втянул мою нижнюю губу в рот, и я, захныкав, отчаянно укусила его в ответ, сама не зная толком, что делаю. Я запустила руки ему в волосы, взъерошивая их пальцами. Он ласкал языком мой язык. Мне захотелось почувствовать его между ног, и я прижалась к его груди в поисках соприкосновения.

Он рассмеялся мне в губы.

– Ты дикая.

– Знаю, – проворчала я. – Извини.

– Не извиняйся. Мне чертовски нравится.

Нравится. От того, как он произнес это слово, у меня поджались пальцы ног в туфлях.

Сэм сжал мои ягодицы и приподнял, чтобы я обхватила бедрами его ногу. Его пальцы впивались в мою кожу, пока он поднимал и опускал меня вдоль мускулистого бедра, давая мне гораздо больше, чем то трение, которого я стремилась добиться. С каждым движением клитор терся о ткань моих трусиков. Он будто растирал две ветки друг о друга, чтобы разжечь огонь, и огнем был мой оргазм, который пробирался по позвоночнику от пальцев ног.

– Я чувствую, будто я... во мне... – Я пыталась подобрать слова, но не могла. Чувствовала, будто парю и в то же время с грохотом падаю вниз. Я вся дрожала. Хотела, чтобы он использовал еще больше своих фокусов и вызвал у меня эти ощущения.

– Пустота? – процедил он мне в рот, языком ведя битву с моим.

– Да. Именно. Я ощущаю пустоту.

– Хотел бы я заполнить ее своим толстым членом.

– Ах, – вскрикнула я, когда он начал еще быстрее и сильнее тереть меня о свое бедро, и все внутри меня сжалось, а мышцы напряглись.

– Боже... Я... То есть, я что...

Больше всего на свете я ненавидела чего-то не знать. Я знала все, что только можно было найти в учебниках или в сети. Но этого я не знала. А оттого чувствовала себя ребенком. Ходячим клише.

Он рассмеялся, когда это случилось. Когда теплая волна удовольствия пронеслась по моему телу, вызывая легкие вспышки.

– Думаю, да. – Он углубил поцелуй, всюду касаясь меня руками, а затем провел большим пальцем вверх и потер сосок под тканью платья.

– Ха, – я выдохнула ему в губы. – *La petite mort*.

Он оторвался от моих губ и хмуро на меня посмотрел.

– Что ты сказала?

– *La petite mort*, – повторила я. – Кратковременное забытье. В переводе с французского – «маленькая смерть». Так они порой называют миг после оргазма.

Об этом мне рассказывала моя гувернантка-француженка. Глаза Сэма засияли от такого восторга, что мою грудь распирало от гордости. Его улыбки подобны отпечаткам человеческих ладоней. Все они отличались друг от друга настолько, что каждая была совершенно уникальной.

– Ты, Эшлинг Фитцпатрик, восхитительная пытка.

Он разорвал поцелуй. Перед глазами все расплывалось, а трусики промокли насквозь.

Я прижала кончики пальцев к губам.

– Боже, что мы наделали?

Его губы распухли и потрескались, но в остальном он выглядел собранным и хладнокровным.

– Полагаю, вопрос риторический, так что оставлю его без ответа. – Он уже выудил пачку сигарет из заднего кармана.

– У тебя есть девушка? – выпалила я.

Сэм усмехнулся, зажав сигарету ровными белыми зубами.

– Не беспокойся об этом. У меня никогда не будет девушки.

– Почему?

– Потому что ни одна женщина того не стоит, в особенности отпрыск человека, из которого я хочу вытянуть все деньги.

Он закурил. Его жестокие, холодные серые глаза, будто кубики льда, скользили взглядом по моей коже.

– Знаешь, я ведь ни за что никому не скажу, если мы переспим. – Я проглотила свою гордость. Сама не знала, почему так сильно хочу его. Просто знала, что хочу. Всякий раз, когда мы оказывались вместе, он заставлял меня чувствовать себя так, будто я оказалась в параллельной вселенной.

– Я только что сказал, что это был наш последний поцелуй.

– Но почему? – не отступала я.

– Потому что я хочу отжать бизнес твоего отца.

– Я не скажу.

– Ты не стоишь такого риска. – Он пожал плечами и сделал затяжку.

– Не будет никакого риска, – сказала я. Внутренний голос предупреждал меня, что уже хватит. *Ее* голос.

Он не хочет тебя, mon cheri. Разворачивайся и уходи.

Но я не ушла.

Сэм хмуро посмотрел на меня.

– И даже без риска, ты все равно того не стоишь. Ты слишком юная, слишком невинная и слишком милая для меня. А теперь окажи услугу своему чувству собственного достоинства и уходи.

Но было уже слишком поздно.

Моя гордость так сильно пострадала, что я должна была нанести ответный удар, хотя не обладала для этого никакими средствами.

– Мне жаль тебя, – сказала я, хотя испытывала невероятную жалость не к нему, а к самой себе.

– Да что ты? – ухмыльнулся он, потакая мне. – И почему же?

– Потому что ты полуграмотный, необразованный отщепенец. Ты, наверное, даже таблицу умножения не знаешь. Потому и занимаешься такими делами. У тебя нет иного выбора.

– Хочешь сказать, что я тупой? – Его улыбка стала шире, глаза искрились весельем.

– Да, тупой. – Я вздернула подбородок. – Но ничего страшного. Ты привлекательный и источаешь энергетику в духе «смотри, какой я опасный», так что наверняка кого-нибудь найдешь.

– Не забывай, что еще и богатый. – Он щелкнул пальцами.

– Не по моим меркам, – я ответила равнодушной улыбкой. Черт побери, я говорила, как моя мать. – Главное, не пытайся завязывать разговор. У тебя плохо получается.

– Судя по тому, что еще пять секунд назад ты терлась о мою ногу, как сучка во время течки, я уверен, что могу развлечь их иными средствами.

Его слова звучали грубо, но беззаботная улыбка обернулась зловещей маской равнодушия.

– Ты... ты... ты...

– Я... я... я... что? – Он с ухмылкой захлопнул мой рот, надавив пальцем на подбородок. – Прав?

Но не успела я ответить, как Сэм исчез.

До конца вечера он не обращал на меня никакого внимания.

* * *

Четыре часа спустя я поплелась в свою комнату, все еще пребывая в потрясении от ужина. Сэм произвел на всех впечатление своим сдержанным юмором, остроумием и окружавшей его аурой. Той, что сулила быструю, но мучительную смерть любому, кто перейдет ему дорогу.

На столе в стиле королевы Анны меня ждал учебник по конечной математике¹², который я оставила открытым, потому что уже целую вечность ломала голову над одной и той же задачей.

Я со стоном потянулась его закрыть.

– Постараюсь решить тебя завтра. Сейчас меня ждут более серьезные проблемы.

Например, то, что я никак не могу избавиться от одержимости самым известным гангстером Бостона.

Моя рука замерла над гладкой желтоватой страницей. Я захлопала глазами. Задача была решена, только не моей рукой.

А точнее, были решены все задачки на странице. Все до единой.

Как он?..

Хочешь сказать, что я тупой?

¹² Область математики, занимающаяся изучением свойств структур финитного (конечного) характера, которые возникают как внутри математики, так и в ее приложениях.

Да, это я и хотела сказать. Но Сэм был вовсе не глуп. Судя по одной этой странице, он, считай, гений в математике.

Злясь на него, на себя и на весь мир, я с глухим хлопком закрыла учебник. Из него на пол выпала записка. Я подняла ее.

Разве это сложно?

Он процитировал «Блондинку в законе».

И между делом утер мне нос.

Ох.

Первая

Эшлинг

Настоящее время

27 лет

«Я вошла».

На мгновение эта мысль отвлекла меня от всего остального, что наводило мою голову: шума, боли, сомнений.

Я спустилась по лестнице в «Пустоши» – самый популярный ночной клуб Бостона.

Мне было категорически запрещено появляться в «Пустошах». Однажды вышибала даже выставил меня за дверь, медленно проговорив: *«Босс показал всем твою фотографию, куколка. Сказал, что уволит любого, кому хватит ума тебя впустить».*

Тогда мне было двадцать шесть, но это незначительное обстоятельство никак ему не помешало. С тех пор, как два года назад Сэм Бреннан купил этот клуб, чтобы проворачивать в нем свои темные делишки, он не пускал меня на порог, хотя мои братья приходили сюда каждую неделю.

– Не могу поверить, что тебя не узнали, сучка. Сэм от страха наложит столько кирпичей, что сможет построить точную копию Эмпайр-стейт-билдинг! – с надрывом прошептала Эммабель (или просто Белль) и дала мне «пять», пока мы протискивались мимо хипстеров вдоль стен с обоями в стиле ар-деко психоделической расцветки и искусственными чучелами животных неоновых цветов.

В вопросе развлечений в городе Белль была моей единственной сообщницей, поскольку обе наши подруги, Сейлор и Персефона – младшая сестра Эммабель, недавно стали матерями, а потому короткий послеобеденный сон и обмен советами по кормлению грудью интересовали их больше, чем распитие напитков в баре.

К тому же Белль была владелицей «Мадам Хаос», печально известного своей мерзостью клуба в центре города, и всегда любила посмотреть, как идут дела у конкурентов, так что уговорить ее пойти сегодня со мной не составило никакого труда.

«Пустоши» оказались темнее и меньше, чем я себе представляла. Источали упадок. Я заметила, что в клубе всего несколько бархатных диванов, небольшой танцпол и длинная барная стойка из черного дерева. Над баром в ряд висели несколько маленьких винтажных телевизоров, и на всех шел один и тот же черно-белый фильм «Доктор Стрейнджлав, или Как я научился не волноваться и полюбил атомную бомбу».

На фоне играла песня «Fool's Gold» группы The Stone Roses, от которой дрожал пол под моими ногами, облаченными в кожаные сапоги до колена на высокой шпильке.

Разодетые в костюмы завсегдатаи вечеринок нюхали дурь с барной стойки, а одна парочка открыто занималась сексом прямо на диване в дальнем углу зала. Девушка в костюме Дамы Червей скакала на коленях у парня, прикрыв их грязное дело подолом платья.

Клуб был олицетворением Сэма. Темный и гнусный, но вместе с тем на удивление красивый.

Я разгладила свой наряд. Сегодня Хэллоуин. Прекрасный повод скрыть свою истинную личность. Я выбрала образ Джулии Робертс из фильма «Красотка»: надела короткий светлый парик и дополнила его солнцезащитными очками, ярко-красным блеском для губ, голубой мини-юбкой и обрезанной белой майкой.

Белль спрятала свои светлые волосы под черным париком в стиле Умы Турман в «Криминальном чтиве». Она оглядывала зал в поисках своей следующей жертвы, наигранно потягивая электронную сигарету.

– В любом случае, Сэм козел, раз внес тебя в черный список.

– Сэм – козел по многим причинам, но все они никак не связаны с тем, что он внес меня в черный список. Однако то, что он запретил мне посещать его клуб безо всякой видимой причины, лишь показывает, какой он тиран, – тихо сказала я.

Я редко дурно отзывалась о Сэме – да и вообще о ком-либо, раз уж на то пошло, но если все же делала это, то только в разговоре с Белль, потому как знала, что она меня не осудит.

– Думаешь, он сделал это потому, что ты сестра Хантера и Килла? – спросила Белль.

– Нет, я думаю, он сделал это потому, что я напоминаю ему обо всем, что он хочет забыть, – честно ответила я, но не стала вдаваться в подробности.

О парке аттракционов.

О том поцелуе.

О нашем разговоре.

Сэм никогда не думал, что увидит меня снова. Я не входила в его планы, а все, что в них не входило, должно исчезнуть. Именно поэтому он так со мной обращался – с безразличием, приправленным жестокостью. Смотрел мимо меня всякий раз, когда мы оказывались в одном помещении. Всегда оставлял без внимания любые мои слова и поступки.

Мы с Белль уселись на высокие табуреты у барной стойки. Я жестом попросила бармена подать нам два джина с тоником, а сама изо всех сил старалась не упасть и (или) не разрыдаться в чужой напиток.

К своим двадцати семи годам я бывала в барах всего несколько раз. До последнего была слишком занята учебой в медицинской школе, чтобы погружаться в клубную жизнь, а теперь поступила в ординатуру. *Во всяком случае, так думали окружающие.* Но сегодня ночью я хотела совершить что-то безрассудное, опасное и глупое. Напомнить себе, что я жива.

Сегодня я хотела встретиться с Сэмом Бреннаном, хотя знала, что не стоит этого делать.

Ведь сегодня, как и в ту самую ночь, я стала свидетельницей смерти человека.

А всякий раз, когда смерть оказывалась рядом, меня одолевала потребность приютиться в душе монстра и спрятаться от мира.

Ситуацию осложняло еще и то, что я постоянно видела Сэма.

На ужинах, благотворительных мероприятиях и вечеринках.

Он уже почти десять лет работал на мою семью.

Так или иначе, я позволила случиться худшему. Я продолжала любить его издалека, как солнце любит луну. Существовая в одном мире, но на расстоянии. Навеки предначертанные звездами, но всегда слишком далекие.

С того вечера мы едва обмолвились парой слов, хотя наши семьи сблизилась благодаря Хантеру и Сейлор. Встречи с ним всегда отзывались во мне горько-сладкой смесью восторга и боли.

Я научилась получать удовольствие от обоих чувств.

– Забудь на сегодня о Сэме. – Белль посасывала трубочку, поглощая джин с тоником, будто участвовала в олимпийском состязании по пьянству до беспамятства.

Под своим костюмом Белль была вылитая Марго Робби. Голубые глаза с кошачьим взглядом, блестящие светлые волосы, изящно изогнутые брови и греховно полная нижняя губа.

– Ты никуда не выбиралась с тех пор, как начала ординатуру в Женской больнице Бригэма¹³. А это было больше полугода назад. Заведи интрижку. Повеселись. Вы это заслужили, доктор.

– Я не завожу интрижки, – заметила я, соломинкой раздавив в стакане лайм, будто он чем-то меня обидел.

– Пора это изменить. Какой-то бред, когда практикующий гинеколог – *то есть женищина, которая в буквальном смысле заботится о чужих вагинах*, – не заботится о своей собственной. Нельзя вечно тосковать по члену, который не отвечает взаимностью. На нем свет клином не сошелся. В море еще полно рыбы.

– Что ж, я искренне надеюсь, что ты не заработаешь отравление ртутью, Белль, – похоже, ты слишком увлеклась дегустацией этой самой рыбы. – Я сделала щедрый глоток напитка, понимая, что мои слова прозвучали по-ханжески, и тут же жалея о своем замечании.

Белль, ничуть не обидевшись, запрокинула голову и рассмеялась.

– Ох, Эш, да ты просто умора. А большинство людей об этом даже не знает. За безупречной наружностью скрывается американская принцесса, которая жаждет, чтобы ее украли монстр, а не спасал принц. Да ты опасное создание, когда хочешь таковой быть.

Напитки шли один за другим, на фоне громко играла хорошая музыка в жанре инди. Вскоре Белль вытащила меня на танцпол, где мы стали отплясывать, прижавшись друг к другу, под треки The Shins, Two Door Cinema Club и Interpol.

Пряди светлого парика прилипали к моему лицу и блеску на губах, пока я гнала прочь воспоминания о сегодняшней смене в больнице и выкрикивала слова песни «Runnin' with the Devil» группы Van Halen вместе с пьяной восторженной толпой, вновь утопив печали в шуме и огнях.

Мисс Би.

Иглы.

Смерть.

Мать.

Отчаяние.

В какой-то момент Белль, как и всегда, сосредоточила свое внимание на каком-то мужчине.

Эммабелль Пенроуз была самопровозглашенной полигамной женщиной. И хотя вовсе не была ненасытной в связях, точно не искала серьезных отношений и больше всего любила секс на одну ночь. Моногамные отношения были для нее таким же чуждым понятием, как биде или коричневый соус. Она знала, что другим людям это нравится, но никогда не испытывала искушения попробовать самой. Но в тех редких случаях, когда она все же выбирала себе любовника, то была горячо ему предана и заставляла его чувствовать себя центром мира.

¹³ Подразделение многопрофильной больницы в Бостоне, созданной на базе Гарвардской медицинской школы.

Наверное, именно по этой причине она разбила столько сердец, что не могла счесть. Ее сегодняшней жертвой стал высокий темноволосый красавчик в костюме Зорро.

Они устремились навстречу друг другу и завязали беседу, а я осталась неловко пританцовывать в одиночестве, а потом вернулась к бару.

Белль подошла ко мне через десять минут.

– Мы едем в отель Four Seasons. У него есть друг в администрации, который может предоставить нам президентский люкс. Скажи, он даст фору Антонио Бандерасу, а? – Белль прикусила нижнюю губу, наблюдая через весь зал, как он забирает их пальто из гардероба и бросает на нее беспокойные взгляды, чтобы убедиться, что она не передумала и не сбежала.

Я с улыбкой облокотилась на барную стойку.

– Безусловно, но тебе не кажется, что костюм у него отвратительный?

– Ага, отвратителен, как сыр в пицце «Домино`s». К счастью, я проведу с ним только одну ночь, а не всю жизнь. – Белль подмигнула и чмокнула меня в лоб. – Счастливого Хэллоуина, док. Ты уж постарайся уйти отсюда не в одиночестве и пиши, если что-то понадобится, ладно?

Она ушла, не дожидаясь ответа.

Я подумывала вызвать Uber и поехать домой, но какой в этом смысл? Родители еще не вернулись с очередного благотворительного ужина, а именно по этой причине я здесь и оказалась. Обычно, когда мама была дома, она настаивала, чтобы мы проводили время вместе. Братья были со своими женами и детьми.

Я вернусь в пустое, чрезмерно большое поместье и буду вариться в собственных мыслях, мрачных воспоминаниях и сожалениях.

Я подала бармену знак, чтобы налил мне еще один джин с тоником, выпила его залпом и, вернувшись на танцпол, стала танцевать в одиночестве.

Через десять минут неподалеку начал пританцовывать парень в костюме охотника за привидениями, в танце подходя все ближе ко мне. На вид он был юн. Младше меня. Светловолосый студент с покрасневшим от бостонского холода лицом. Какое-то время мы танцевали рядом, а потом он прокричал мне на ухо:

– Я Крис.

Я наклонилась, чтобы ответить ему, хотя знала, что мы с Крисом точно не уедем домой вместе. Как бы там ни было, я не из тех, кто водит домой первых встречных. Меня уж точно не назвать монашкой, и мне хватало ума не беречь себя для Сэма, но все же я и на двух пальцах могла бы пересчитать мужчин, с которыми спала в своей жизни. К тому же я знала их адреса, полные имена, номера телефонов и, к большому моему смущению, средний балл в колледже.

– Эш, – уклончиво ответила я.

Эш могло означать Эшли или Эшлинн.

Эшлинг – довольно редкое имя, а Фитцпатрикков знали все в Бостоне.

– Ты выглядишь чертовски сексуально, Эш. – Он облизнул губы, раздевая меня взглядом.

– Спасибо. – Я натянуто улыбнулась, мысленно надевая одежду обратно.

– Можно я куплю тебе выпить?

Я понимала, что уже навеселе, но была еще отнюдь не пьяна. Я кивнула.

– Подойдет любой напиток в бутылке. Я сама открою.

– У тебя нет открывашки.

– Зато есть зубы, – ответила я.

Буквально. И фигурально.

Крис приподнял бровь, ухмыляясь.

– Это точно!

Он принес мне пиво. Мы потанцевали еще немного. Когда заиграла песня «Heads Will Roll» группы the Yeah Yeah Yeahs, Крис пристроился позади меня и начал тереться о мою задницу. Он был возбужден, и мне это осточертело. Осточертело все. Особенно сегодня.

Я не увижусь сегодня с Сэмом. Его здесь нет. Весь мой план провалился, а мне пора минимизировать потери и залезть в свои раны дома, где я хотя бы смогу утопить печали в еще большем количестве алкоголя, не рискуя при этом оказаться жертвой изнасилования.

– Было весело, Крис. Спасибо. Доброй ночи. – Я прихватила сумочку-клатч и направилась к лестнице, но у Криса оказались другие планы. Он схватил меня за руку и потянул обратно на оживленный танцпол, дыша мне в лицо едким перегаром.

– Не так быстро, Красотка¹⁴. А где моя благодарность за пиво?

Ага.

Значит, он из числа мужчин, которые считают, что, купив девушке выпивку, получают билет прямиком в ее трусики. Я потянулась в сумочку, достала оттуда хрустящую десятидолларовую купюру и бросила в его сторону, с ухмылкой наблюдая, как банкнота пролетела между нами и, словно перышко, осела на липкий пол.

– Держи. Купи себе что-нибудь классное. Например, здравомыслие, чтобы не домогаться женщин.

Я снова развернулась на каблуках. А он *снова* схватил меня за руку. На этот раз дернул ближе к себе, и я врезалась в его тело. Сердце начало прерывисто колотиться, когда он впился пальцами в мою кожу, оставляя опоясывающие руку синяки.

– Не-а. У меня есть другая мыслишка насчет оплаты.

– Тогда советую тебе подумать еще, потому что я не такая.

– Тогда зачем оделась, как шлюха? – Он с вызовом вскинул бровь. – Давай без болтовни, Эшли. Мы с тобой хотим друг друга, и это случится.

Я подняла взгляд и попыталась вырваться. Он крепче сжал мою руку. Я открыла рот, чтобы пригрозить ему или закричать, но вдруг Криса оттащили назад и, как молокососа, схватили за ворот его костюма охотника за привидениями.

Вскрикнув от удивления, я отступила назад, сбивая с ног еще одного человека на танцполе.

Сэм Бреннан.

Монстр здесь собственной персоной, неожиданный участник происходящего. Он поднял Криса в воздух, стоя в компании двух вышибал. Студент махал руками, беспомощно пытаясь схватиться за воротник костюма и не задохнуться.

Он пришел.

– Избавьтесь от него, но сперва сломайте ему пару костей, – сухо велел Сэм, бросив Криса на пол стонущей кучей, словно мешок с мусором.

– Черт, приятель, – заскулил Крис, когда двое здоровенных парней схватили его под руки и потащили к лестнице. – Прости, я не знал, что она VIP. Да брось, Бреннан. Пожалуйста!

– Захлопнись, – насмеялся Сэм.

– Мне теперь запрещено появляться в клубе? – захныкал Крис.

Сэм бросил на него равнодушный хмурый взгляд.

– К тому времени, когда мои люди с тобой закончат, тебе повезет, если не придется до конца жизни мочиться кровью. Уведите его. – Он указал на дверь наверху лестницы, и вышибалы тотчас исполнили приказ.

Сэм шагнул ко мне. Я отступила на шаг назад, а колени так и подкашивались от страха и желания.

Я попала с поличным в его клубе, разодетая, как знаменитая проститутка из девяностых. Замечательно. Он точно всыпет мне по первое число. Может, даже расскажет об этом моим братьям и отцу.

Я зажмурилась, готовясь к словесной порке.

¹⁴ Отсылка к фильму «Красотка», образ героини которого Эшлинг повторила нарядом.

– Идем со мной, – тихо прохрипел он.

– Прости! Я...

– Что, *что*?

Почему он не вышвырнул меня на улицу вместе с Крисом?

Я огляделась по сторонам, мысленно проклиная Белль за то, что бросила меня одну. Ей бы хватило безумства ввязаться в драку с Сэмом. И суметь победить.

Сэм опустил руку мне на поясницу и подтолкнул к бару, а затем повел мимо двух охранников, преградивших узкий, тускло освещенный коридор. Каждую клеточку моего тела показывало от тревоги. Мы миновали четыре двери – по две с каждой стороны коридора, – и все они были открыты. Игральные залы. Сэм заправлял подпольным казино под видом ночного клуба «Пустоши». Все знали, что «Пустоши» пользуются дурной славой, но лишь немногие избранные были посвящены в истинную причину его известности.

По всей видимости, только самые богатые и уважаемые люди Новой Англии могли обеспечить себе членство в маленьком джентльменском клубе Сэма – да и то только в том случае, если за них поручится одно из немногих доверенных лиц.

Я мельком увидела зал. Коричневые тона, дуб, сигаретный дым. Сидящие внутри мужчины курили сигары, попивали дорогой скотч, смеялись и делали ставки.

Мы молча поднялись по лестнице к двери, которая, судя по всему, вела в его кабинет. Сэм распахнул черную деревянную дверь, закрыл ее за нами и облокотился на стол.

Я огляделась вокруг, часто моргая от резкого флуоресцентного света и впитывая новые подробности о его жизни. Ничто в этом помещении не кричало о богатстве или власти. Оно выглядело как самый обычный кабинет владельца ночного клуба. Сэм не бросался деньгами напоказ. В том смысле, что выглядел, как подобает человеку при деньгах, но не стремился продемонстрировать свое богатство.

Теперь мы остались наедине, и никто не помешает ему перемолоть мое тело и слепить из меня фрикадельки за то, что ослушалась и пришла сюда.

Сердце билось так часто, что казалось, меня стошнит.

– Послушай, я... – Я попыталась объяснить свое присутствие в клубе, но он поднял руку, заставляя меня замолчать.

– То, что произошло с тобой этой ночью, не служит отражением моего клуба или его посетителей. Я знаю, что порой здесь случаются буйства, но сексуальные домогательства – это за гранью. Я бы хотел предложить тебе купон на сотню долларов за доставленные неудобства, мисс... *Робертс*. – Он изучал меня взглядом, хотя в его глазах не было ни страсти, ни желания.

Я прикусила губу, чтобы не открыть рот от потрясения, как только все поняла.

Сэм не узнал меня.

Он понятия не имел, кто я такая.

Да и как бы он узнал? В светлом парике, в маскарадном костюме, с полноценным макияжем, да еще и в солнцезащитных очках.

Сердце екнуло, призывая меня воспользоваться ситуацией. Это потрясающая возможность. Заполучить Сэма, в действительности им не обладавая.

Я знала, что любимый монстр Бостона скандально известен тем, что спит с любой желающей того женщиной. Так почему не со мной?

«Потому что это безнравственно, низко и нечестно, – упрекнул меня внутренний голос с легким французским акцентом – ее голос. – Не говоря уже о том, что ты заслуживаешь мужчину, который будет умолять тебя, а не наоборот».

Да, она по-прежнему преследовала меня. Спустя десять лет после смерти.

Но у Сэма не было моральных принципов. Почему не сыграть по его правилам?

– А кто сказал, что я не хотела внимания? – я вздернула подбородок, заговорив более томным, хриплым, чем мой собственный, голосом.

Сэм изогнул густую, темную бровь, лениво присев на стол и скрестив руки на широкой груди.

– Во-первых, язык твоего тела. Одни читают книги, а я – людей. Ты пыталась вырвать руку, а это понятный во всем мире знак: «отвали к черту». Я заметил тебя на мониторе. – Он указал подбородком на монитор на столе, на экране которого мелькали черно-белые записи с камер клуба со всех ракурсов.

Я растянула кроваво-красные губы в улыбке.

– Ты прав. Он был не в моем вкусе. Но это не значит, что я пришла сюда не для того, чтобы поразвлечься.

– Вот как? – безразлично переспросил он.

– Да. – Мой голос едва заметно дрогнул, когда мне вспомнились слова, которые я увидела на двери туалета в парке аттракционов.

Страсть мимолетна, любовь остается.

Страсть нетерпелива, любовь ждет.

Страсть обжигает, любовь согревает.

Страсть опустошает... А любовь? Любовь убивает.

С.О.Б.

Сэмюэл Остин Бреннан.

Глупо ли думать, что их написал он? Что эти слова когда-то давно были адресованы мне?

– Тогда тебе стоит пойти в зал и попытать удачи. – Его голос, словно ледяной душ, вмиг остудил мои заигрывания.

– Или, может, мы могли бы помочь друг другу. – Я поиграла прядью выбеленных волос, стараясь не дергать за парик слишком сильно и не выдать себя.

Сэм ответил насмешливой, полной сомнений улыбкой.

– А кто сказал, что я в поисках партнерши?

– Твоя кровь.

– Ты знаешь, какая у меня кровь?

– Горячая, – пояснила я.

– Неважно, горячая она или холодная, тебе со мной не справиться, милая.

– А ты проверь.

Он медленно прошелся взглядом по моему телу, будто пытался решить, стоит ли ради меня расстегивать штаны. Я задрожала, понимая, что в любое мгновение он может понять, кто я такая.

Чем дольше мы говорили, тем более неуверенно звучал мой голос. Пронзительно.

В манере Эшлинг. Казалось, Сэм обдумывал мое предложение, поглаживая подбородок.

– Развернись, – велел он.

Я послушалась, остро ощущая, что он оценивает мою задницу. У меня была красивая задница. Я четыре раза в неделю занималась йогой вместе с матерью, несмотря на плотный график ординатора на первом году обучения. Но вот что главное в неразделенной любви: ты всегда считаешь себя недостойным объекта своего обожания.

– Подними юбку. – Его жесткий голос рассек воздух.

Я сделала, как он велел, хоть и знала, что он увидит кое-что неожиданное.

Мои белые хлопковые трусики, практичные и великоватые мне на размер. Удобный выбор женщины, которая весь день проводит в медицинской форме, но совершенно не подходящий к этому образу.

Он издал смешок. Мое сердце екнуло.

– Выметайся.

Я обернулась, оставшись стоять с задранной до талии юбкой и выставив зад в его сторону.

– Я знаю таких мужчин, как ты, – соблазнительно протянула я.

– Таких, как я, больше нет.

– Я могу доставить тебе удовольствие, – я не сдавалась.

– Сомневаюсь. – Он склонил голову набок, тихо посмеиваясь. – Вон.

Я бесстыдно отодвинула трусики в сторону, чтобы обнажить перед ним ягодицы, и стала ласкать себя. Воздух наполнили звуки, с которыми пальцы соприкасались с выступившей от возбуждения влагой, давая понять, что я полностью готова к тому, чтобы меня взяли.

– Пожалуйста... – Я наклонила голову набок и прикусила нижнюю губу, выгибаясь, чтобы ему было лучше видно, как я мастурбирую.

Он ничего не сказал.

Маленькие радости. Он дает тебе еще один шанс. Не профукай его.

Я развернулась, пока он не передумал, и с важным видом направилась к нему, стуча каблуками высоких кожаных сапог и понимая: сейчас или никогда. Сэм Бреннан никогда не дал бы шанса Эшлинг Фитцпатрик, но мог дать его этой незнакомке. Подойдя вплотную, я опустилась на колени и посмотрела на него через стекла больших солнцезащитных очков.

– Можно? – спросила я, опустив руку на его пах.

Сэм посмотрел на меня сверху вниз, а его глаза цвета бури игриво заблестели.

– Ты уж постарайся, Робертс. Я не трахаюсь с неопытными.

Я расстегнула молнию на его брюках. За десять лет, прошедших с того дня в парке аттракционов, Сэм Бреннан благополучно превратился из парня в мужчину. Отказался от темных рваных джинсов и мягких футболок в пользу брюк от Агтапи и черных классических рубашек, и теперь от него пахло, как от знакомых мне миллиардеров. Он пользовался одеколоном, который наверняка нравился обоим моим братьям и стоил тысячу долларов за штуку. Единственное, что осталось с юности, – висящий на шее талисман со Святым Антонием с выгравированными на нем инициалами С.О.Б. и глядящие с усмешкой глаза, которые способны заглянуть в душу.

Я спустила его черные дизайнерские трусы, коснувшись пальцами подстриженных темных волос в паху. Член выскочил из белья. Твердый, как камень. Толстый и длинный, пугающе большой и с фиолетовой веной, тянущейся вдоль ствола.

Он был красивым, насколько может быть красивым член. Рот наполнился слюной, и я облизала губы.

Но не стала сразу браться за дело, а осторожно наклонила голову, чтобы не задеть парик, и, взяв его яички в рот, нежно их пососала.

Он втянул воздух сквозь стиснутые зубы и запрокинул голову, не ожидая такого шага. Я провела пальцем вокруг ствола, дразня его, пока ласкала и посасывала яички, вдыхая его мускусный, землистый запах.

– Твою мать, – простонал он. – Вот это ход.

Поддавив улыбку, я сосала, дразнила и лизала его, почти не касаясь члена, который то и дело дергался и набухал все больше, требуя моего внимания. Через несколько минут Сэм схватил меня за парик с затылка, пододвигая к главному событию – звезде этого шоу. Я ахнула и тут же смахнула его руку, стараясь удержать парик на месте.

Сэм опустил на меня хмурый взгляд, опешив на мгновение.

– Имеешь что-то против членов?

– Вовсе нет. – Мой голос звучал с придыханием, жалко. – Извини. Просто у меня волосы растрепались под париком, и я не хочу, чтобы ты их увидел.

Иссиня-черную копну, которую ты тотчас узнаешь.

– А у тебя сложилось впечатление, будто мы будем делать гребаные свадебные фотографии? – В его серых глазах кружило удовольствие. – Кого это на хрен волнует?

– Нет, ты прав, никого, конечно.

«Дуреха, – пропела в моей голове мисс Би. – Такая покорная и доступная».

– И раз уж такое дело, почему не снимешь солнцезащитные очки? – Он приподнял бровь. – А то у меня такое чувство, будто мне отсасывает Стиви Уандер¹⁵.

Потому что тогда ты увидишь мои глаза и узнаешь их тоже.

У меня были такие синие глаза, какие увидишь не каждый день. Отец говорил, что синевой с ними мог сравниться только океан.

Я обхватила член Сэма, взяла его в рот до самого горла, и он едва не зарычал от удовольствия.

– Хороший отвлекающий маневр, Робертс. Быстрее.

Я принялась двигать головой, не переставая удивляться тому, что у меня во рту член Сэма Бреннана.

Даже я не могла отрицать, что мое увлечение – нет, одержимость, – им не знала границ. Но от нее никому не было вреда. Мы оба свободные, совершеннолетние и постоянно оказываемся в одних и тех же местах. Он по-своему изменил мою жизнь и превратил ее в нечто иное, более глубокое. Хороший минет – меньше, чем я могла оплатить ему за то, что наставил меня на тот путь, по которому я шла сегодня.

– Ладно, давай посмотрим, насколько хороша твоя киска или задница. Вставай, Красотка.

Я выпрямилась в полный рост, чувствуя, как эйфория захлестывает меня, подобно шторму. Сэм обхватил меня за затылок и поцеловал. Лениво, грубо. С языком, зубами и желанием. Поцелуй был совсем не похож на тот, что мы разделили на том страшном аттракционе много лет назад. Он не развивался неспешно, как хорошо написанная книга.

Внезапно Сэм отстранился и хмуро на меня посмотрел.

– Что? – спросила я, тяжело дыша. Мои трусики уже промокли. Я схватилась за ворот его рубашки и принялась бесстыдно тереться об него грудью, оказавшись на грани оргазма. – Да что?

– Имбирь, – холодно процедил он. – И мед.

– Имбирь? – Я отчаянно заморгала за стеклами очков. – О чем ты?

– Я знаю только одну женщину, от которой пахнет имбирем и медом.

Я.

Он говорил обо мне.

Обо мне и моем дурацком шампуне из Франции, к которому меня пристрастила мисс Би.

Сэм без предупреждения сорвал темные очки с моего лица, а вместе с ними и парик. Мои длинные, черные как смоль волосы густыми волнами рассыпались по плечам, ниспадая до самых ягодиц. Я уставилась на него, округлив глаза.

Меня поймали – и вовсе не так, как я надеялась.

Я закашлялась, видимо, подавившись отчаянными извинениями, которые мое тело никак не могло извергнуть. Я знала, что он меня не тронет – во всяком случае, физически, – но не сомневалась, что накажет.

Мечь – любимый язык Сэма Бреннана, и он в совершенстве им владел.

– Фитцпатрик! – взревел он, словно зверь.

– Сэм, я... – замотала головой. *Merde!* – Прошу. Всего один раз.

– Не вздумай морочить мне голову. Позже с тобой разберусь. Но сначала дам тебе то, о чем ты молишь уже больше десяти лет, и напомню... – он с силой прикусил мою губу, – *почему*, – схватил мои трусики через юбку и сорвал их одним отработанным движением, которое я сочла впечатляющим, притом что они были отнюдь не облегаящими, – *нельзя*, – он разом ввел в меня два пальца, – *со мной*, – растопырил их внутри, растягивая меня до предела, и я

¹⁵ Американский соул-певец, композитор, пианист, барабанщик, музыкальный продюсер и общественный деятель, оказавший огромное влияние на развитие музыки XX века, страдающий слепотой.

яростно содрогнулась от удовольствия и желания, чувствуя, как слабеют колени, а потом пода-лась ему навстречу, приподнимая бедра и бесстыдно умоляя о большем, – *связываться*.

Сэм оскалится, а потом снова грубо меня поцеловал, не прекращая безжалостно ласкать пальцами. Жадно. Свирепо. Страстно. Это был другой поцелуй. Поцелуй подавленного вожде-ления. Такого, которое накапливалось годами, полными брошенных украдкой взглядов и едва не случившихся событий. Я прочувствовала его каждой косточкой своего тела, каждой клет-кой кожи.

Наши губы сливались в поцелуе, а я впила пальцами в его мускулистые плечи и толк-нулась бедрами вперед, подавая ему знак, чтобы ввел пальцы глубже.

Он вынул их и, грубо обхватив меня за ягодицы, закинул мои ноги себе на талию. Отнес на стоящий неподалеку дубовый бильярдный стол и посадил на край, упираясь возбужденным членом мне в живот. Сэм потянулся в задний карман, достал оттуда презерватив и разорвал упаковку ровными белыми зубами.

– Ты девственница, Эшлинг? – спросил он, водя указательным пальцем по моей киске, не прикрытой трусиками, которые теперь, порванные, валялись где-то на полу его кабинета.

Вопрос был вполне оправданным: я никогда не состояла в серьезных отношениях, нико-гда не приводила домой мужчину на праздники или официальные ужины, да и в целом была, пожалуй, самым застенчивым, самым скучным человеком из всех, кого он встречал. И все же его вопрос болезненно уязвил мою гордость. Будто он нанес удар в самую душу.

– А это имеет какое-то значение? – Я выхватила у него презерватив и дрожащими паль-цами раскатала по члену. Я подарю этому мужчине лучший секс в его жизни, даже если это станет последним, что я совершу в своей. Сделаю так, что он больше ни с кем не захочет спать.

– Вообще никакого.

– Тогда предлагаю тебе выяснить это самому. – Мы встретились взглядом, и на мгновение от вида его серых глаз я лишилась дара речи.

Я встречала мужчин. Множество красивых, успешных, богатых мужчин. Но все они были одинаковые. Их осанка, мягкость и нежные руки лишали их истинной мужественности, кото-рую Сэм источал без особых усилий.

Сэм был чувственным, грубым и опасным. Ему не было равных.

Он это знал. Я это знала.

Сэм улыбнулся кривоватой улыбкой плохого парня.

– Такая чертовски самоуверенная. Если хочешь, чтобы тобой овладели, тогда тобой овла-деют в стиле Сэма Бреннана. Никаких сожалений. Никаких повторений. И, черт возьми, ничего не рассказывай родителям, детка.

С этими словами он развернул меня спиной к себе, опустил руку между моих бедер, собрал влагу и смазал ей задний проход.

От удивления я вытаращила глаза. Я еще никогда не занималась анальным сексом. Сэм ввел палец в тугое отверстие, в тот же миг проникая членом в мое лоно.

Он вошел одним глубоким, яростным толчком.

Я почувствовала себя наполненной до предела, когда Сэм проник в меня и пальцем, и членом. Издала стон. Возбужденные соски стали такими чувствительными, что от одного только их трения о лифчик я оказалась на грани оргазма. Я запрокинула голову и застонала.

Только не кончай после четвертого толчка. Будь добра хотя бы сделать вид, что ты не податливая глина в его руках.

– Значит, не девственница. – Сэм начал двигаться, одной рукой придерживая меня за талию, а второй лаская задний проход.

Клиитор покалывало от трения о бильярдный стол, возле которого он меня трахал. С каж-дым толчком я сжимала его мышцами, наклоняясь, чтобы он мог войти глубже. Затем опустила руку между нами и стала массировать его яички.

До Сэма я была только с двумя мужчинами: с обоими познакомилась в университете, и оба служили мне спланированной подготовкой к главному событию – то есть Сэму. Даже моя сексуальная жизнь была выстроена и распланирована так, чтобы он стал моим.

Я встречалась с двумя вундеркиндами из Гарварда, которые, насколько я знала, слыли экспертами в области секса, и уговорила обучить меня всем их грязным трюкам. Я мотала на ус, превращаясь из застенчивого, неловкого новичка в нимфу в постели.

Я кусала, лизала, дразнила и щекотала там, где нужно.

Сосала, надавливала и сжимала.

Не ради них – а ради него.

Но я не ожидала, что и он доставит мне такое удовольствие. Невообразимое.

Когда Сэм ввел второй палец в тугий задний проход, я застонала громче и отчаянно сжала руками бильярдный стол, теряя контроль над собственными ногами и едва не поддавшись удовольствию. Он брал меня жестко, а когда я почувствовала, как внутри покалывает от первой судороги оргазма, Сэм вышел из меня, взял член в руку и прижал его между ягодиц у заднего прохода, покрытого моими соками.

– Надо же, маленькая Эшлинг Фитцпатрик уже выросла и умеет трахаться, как порно-звезда.

Сэм разразился бездушным смехом, пытаясь преуменьшить важность этого момента, списать со счетов значимость происходящего.

Его.

Меня.

Все, что было запретным и неправильным, но все же это происходило вопреки всему.

Он входил в меня медленно и осторожно, и хотя боль была сильнее, чем я готова признать, я стойко терпела ее, подталкивая задницу ему навстречу, пока он не вошел до конца.

Наступила напряженная тишина, которой я воспользовалась, чтобы привыкнуть к ощущениям, возникшим, когда он наполнил меня сзади. Я почувствовала, как он содрогнулся от удовольствия у меня за спиной.

– Возможно, твою киску уже использовали, но задницу еще никогда не трахали. Это очевидно.

Я ничего не сказала, потому что это была правда, и она причиняла больше боли, чем его движения во мне, ведь служила мучительным напоминанием о том, как безнадежно я в него влюблена. Он наклонился, оставаясь внутри, смахнул волосы с моего плеча и коснулся губами уха.

– Тебе обязательно нужно было, чтобы хоть что-то произошло у тебя впервые именно со мной, не правда ли, Эшлинг Фитцпатрик? Бедная, романтическая душа.

С этими словами он вышел и снова ворвался в меня. Я вскрикнула от боли и крепче схватилась за бильярдный стол, но после первых нескольких толчков боль сменилась удовольствием. Особенно когда он приподнял меня чуть выше, чтобы шершавая обивка столешницы снова дразнила клитор. Я не прекращала ласкать его пальцами, потирая чувствительную точку между яичками и ягодицами.

Все мое тело охватило пламенем, и я сжала ягодицы, а мышцы во всем теле задрожали, когда оргазм снова начал накрывать меня мощными волнами.

– Я сейчас кончу, – закричала я.

Сэм застонал и сделал несколько резких толчков. Мы кончили вместе.

Перед глазами все расплывалось. Я чувствовала, как сжимаю его мышцами, продлевая оргазм, чувствовала, насколько он твердый внутри меня.

Я обмякла на бильярдном столе и закрыла глаза, ощущая, что юбка так и осталась собрана на талии, когда Сэм осторожно вышел из меня. Каждый сантиметр его плоти выходил мучительно, и я подозревала, что сантиметров там было отнюдь не мало.

Прижавшись щекой к зеленому пушистому сукну бильярдного стола, я слышала, как Сэм ходит по комнате. Медленно спустила юбку по бедрам, чтобы прикрыть голую, измученную задницу.

– Давай, вставай, ледяная принцесса. Мой роскошный винтажный бильярдный стол предназначен не для сна.

Я развернулась, намеренно забралась на стол, развалилась на нем и, опершись на локти, устроилась поудобнее. Если я достаточно хороша, чтобы трахать меня возле бильярдного стола, значит, сгожусь и на то, чтобы на нем посидеть.

– Попроси любезнее, – ответила я равнодушным, надменным тоном, который, как я знала, Сэм терпеть не мог. – И, может, встану.

– Мне чужды любезности. Тебе уже должно быть об этом известно. Где ты научилась всем этим постельным хитростям? – Сэм сидел за столом и застегивал ремень, а исходящее им презрение скрыло все признаки того, что мы только что оттрахали друг друга до потери сознания.

Он закурил и выдохнул струйку дыма в мою сторону.

– Ты хотел сказать, трахаться? – Я спрыгнула с бильярдного стола и с улыбкой подняла свои парик и очки. – Не забывай, что я провела семь лет среди людей, чья главная цель в жизни – изучение человеческого тела. Я неплохо провела время, исследуя различные способы, как заставить человека кричать от удовольствия... *и боли*. Ты и половинки не видел. – Поправив юбку и парик, я заставила себя пойти к двери. Не потому, что хотела уйти, а потому что должна была сделать вид, что во мне осталась хотя бы капля достоинства.

Всем прекрасно известно, что Эшлинг Фитцпатрик по уши влюблена в Сэмюэла Бреннана с самой первой встречи. Ни к чему одаривать его безраздельным вниманием и отчаянными признаниями в любви. У нас был отличный секс. Теперь дело за ним.

Я желала все, что он готов мне дать.

Мимолетный роман, отношения и все прочее в этих пределах, лишь бы быть с ним.

Плачевно? Возможно. Но я никому не причиняю вреда. Никому, кроме себя самой.

А Сэм? Каким бы устрашающим он ни был, я знала, что он никогда не притронется ко мне вопреки моему желанию. Да, он представлял опасность, но не для моей жизни. Только для моего рассудка.

– Я уже увидел больше, чем мне хотелось о тебе знать, детка, – сказал Сэм, зажав сигарету зубами и хмуро глядя в стоящий на столе монитор, по которому наблюдал за происходящим в клубе.

– Кстати, чем ты сейчас занимаешься? Ты же педиатр? – хмыкнул он.

– Гинеколог. В Женской больнице Бригэма, – ответила я, расправив юбку на бедрах, и сделала еще один шаг к двери.

Останови меня. Скажи мне остаться. Попроси мой номер.

– Ты правда думала, что, раздевшись, сможешь меня соблазнить? – внезапно спросил он.

– Но ведь смогла? – заносчиво ответила я, а потом закатила глаза. – Честно? Я оделась так, чтобы попасть в клуб, а не для того, чтобы тебя соблазнить.

– И почему ты захотела сюда попасть? – Он все не сводил глаз с экрана.

– Потому что «Пустоши» – самое популярное заведение Бостона.

– Тебя не интересуют самые популярные заведения Бостона, – заметил он.

– Конечно, интересуют, – холодно ответила я, мысленно задаваясь вопросом, думал ли он обо мне и о том, что мне нравится и не нравится. – Порой даже хорошим девочкам хочется побыть плохими.

– Именно поэтому тебе и запретили посещать это заведение, – невозмутимо ответил Сэм.

– Это несправедливо.

– Мы со справедливостью вообще с разных гребаных планет. Какая черта моего характера навела тебя на мысль, будто мне важно быть справедливым?

Среди вымогательств, убийств и отмывания денег у Сэма явно не оставалось свободного времени для вступления в Лигу Справедливости в роли Капитана Хорошего парня. И все же называть его несправедливым казалось мне... ну, *несправедливым*. В конце концов, он выгнал парня, который ко мне приставал.

– Ты запретил мне посещать твое заведение, потому что знаешь: стоит мне подобраться слишком близко, и тебе придется обратить на меня внимание, а каждый раз, когда мы оказываемся вместе, происходит волшебство, – возразила я, бросая ему вызов.

«*Уходи, топ cheri. Ты делаешь себе только хуже*», – настаивал голос мисс Би в моей голове.

Сэм откинулся на спинку кресла, оторвав, наконец, взгляд от экрана, и посмотрел на меня.

– Единственное волшебство, которое произошло сегодня между нами, заключается в том, что я на всю жизнь растянул тебе задний проход на пару сантиметров. Несмотря на это, вы совершили грязный ход, мисс Фитцпатрик.

– Мы, монстры, делаем то, что должны. Ты и лучше меня это знаешь. – Я пожала плечами.

– Ты не монстр, – процедил он.

– Ты понятия не имеешь, кто я.

– И чего ты хотела добиться? Трахнуть разок? – процедил он.

– Разок? Нет. Несколько раз? Конечно. Смотря, как ты себя поведешь, – как бы невзначай ответила я, направляясь к двери.

Он мог отказывать мне сколько угодно, но когда мы были возле бильярдного стола, он смотрел на меня в точности, как тогда в парке аттракционов. С жадной, которая подсказывала, что он поглотит меня и ничего не оставит тому, кто появится в моей жизни после него.

– Эшлинг, – рявкнул он, когда я опустила ладонь на дверную ручку, собравшись открыть ее и уйти.

Я остановилась, но оборачиваться не стала, хотя сердце бесновалось в груди.

– Если мы будем трахаться, – и я говорю «если», а не «когда», – то этим все и ограничится. Все, ради чего ты была рождена и воспитана: уважаемый муж, дети, семья, лабрадор для полноты картины на рождественской фотографии, – я отверг еще до твоего рождения. Только секс. Ни больше ни меньше. И по очевидным причинам о нашей договоренности никто не должен знать.

Мы оба знали, каковы эти очевидные причины, но никто не осмеливался назвать их вслух.

Он предлагал мне кое-что. Начало. Я знала, что все остальное мне еще предстоит постараться заслужить. Сэм Бреннан был сломленным человеком, но это поправимо. Я верила в это всем сердцем, вопреки – а может, благодаря – всем его поступкам, свидетельницей которых стала за эти годы.

Он бесчисленное количество раз вытаскивал мою семью из неприятностей, не дал моему старшему брату лишиться семейной компании и окружал меня заботой, пусть и издалека.

Возможно, он сам этого не знал, но у него, в самом деле, были моральные принципы, правила и жесткие границы.

Я намерена заставить его увидеть себя таким, каким видела его я. И тогда, возможно, – только лишь возможно, – он сможет увидеть меня такой, какая я есть. Женщина, достойная его внимания.

А пока я готова принять все, что он готов мне предложить, пусть даже грубый, агрессивный секс.

*Oui*¹⁶. Ты официально сошла с ума, *mon cheri*.

– Что ты задумал? – я прислонилась плечом к дверному косяку, демонстрируя такую выдержку, какой мог похвастаться только зрелый козий сыр.

Сэм почесал подбородок, основательно раздраженный из-за всей этой ситуации.

– Мы не можем трахаться у тебя дома, раз ты до сих пор живешь с родителями, – кстати, что это вообще за хрень? – а я в свою квартиру никого не пускаю, так что, думаю, можем встретиться завтра здесь. В то же время.

– Почему не там? – выпалила я.

– Что? – он оторвал взгляд от экрана, уже устав от этого разговора.

– Почему ты никого не пускаешь в свою квартиру?

– Потому что я всех ненавижу, – произнес он невероятно медленно, глядя на меня так, будто ответ и так очевиден, просто я конченная идиотка. – Почему же еще?

– Значит, в твоей квартире никто никогда не был?

– Мои родители бывали раз или два. Сейлор знает адрес, но ей не разрешено туда приходить. Почему ты до сих пор живешь с родителями? – он бросил мне провокационный вопрос. Я повела плечом, изображая спокойствие.

– Не вижу смысла платить за отдельное жилье, раз, по сути, живу в больнице.

– Только не делай вид, будто, живи ты в отдельной квартире, тебе пришлось бы хоть кружку за собой помыть. Ты слишком богата, чтобы делать что-то самостоятельно, и мы оба это знаем. Так почему ты до сих пор прячешься за мамочку с папочкой? – грубо повторил он.

Правда была сложной, удивительной и, что хуже всего... невероятной. Он ни за что не поверит, даже если я ему расскажу. Чего я и не думала делать, потому что правда была постыдной. Я марионетка. Пешка в игре моих родителей. Тут нечем гордиться.

Я помогала головой.

– Значит ли это, что мне теперь разрешено посещать «Пустоши»? – спросила я.

– О нет, все так же запрещено, дорогуша. Я не хочу видеть, как ты развлекаешься с этими неудачниками. Один из моих вышибал проведет тебя через черный ход, когда придешь завтра, но тебе запрещено ходить в бар или в любой из игровых залов.

– До завтра, Монстр.

– Никс, – кивнул он на прощание.

Я помчалась домой, словно вихрь, и вбила в гугле данное им мне прозвище, испытывая восторг, страх, удовольствие и радость.

Никс: существо, обитающее в воде. Получеловек-полурыба, живущий в ослепительном подводном дворце и являющийся людям, принимая различные привлекательные формы (как правило, образ прекрасной девушки).

Никс – монстр женского пола.

Сэм по-прежнему считал нас равными.

Порочными, непредсказуемыми существами, которые прячутся у всех на виду.

И теперь, когда он впустил меня, я обрушу все его стены и наконец-то сделаю своим.

¹⁶ В переводе с французского: «да».

Вторая

Сэм

Спустя десять часов после того, как я побывал в Эшлинг Фитцпатрик по самые яйца, мне позвонили и сообщили о том, что Каталина Грейстоун, она же моя дражайшая мамочка, наконец-то (незаметно) сыграла в ящик.

– Просто подумала, что вам всем стоит знать. Учитывая, что на следующей неделе тут планируют все снести. Правда, сама собственность ни черта не стоит. Но я подумала, почему бы не сообщить ее сыну? – Соседка Кэт, миссис Мастерсон, чем-то хрустела мне в ухо во время этого на редкость раздражающего звонка.

«Потому что мне все равно», – так и подмывало меня ответить.

Смерть Каталины стала для меня новостью, но отнюдь не той, о которой мне было интересно узнать больше.

Миссис Мастерсон застала меня во время занятий с персональным тренером, когда я переворачивал шину грузовика, которая весила почти столько же, сколько и я. Включив громкую связь, я бросил телефон на устланный поролоном пол и продолжил переворачивать шину.

– Откуда у вас мой номер? – прокряхтел я, не упоминая о том, что для связи со мной необходимо было ввести специальный код.

– Твой папаша дал. Трой какой-то там...

Значит, Трой тоже знал, что она мертва. Я удивлен, что он еще утром не заявился ко мне на порог с бутылкой шампанского.

– Что ж, спасибо, что предупредили, но я даже представить не могу, чтобы в этом доме что-то представляло для меня ценность.

Кроме давно утраченного гребаного детства и воспоминаний о наркотической и алкогольной зависимостях.

Кэт на протяжении многих лет пыталась восстановить со мной отношения после того, как подбросила меня Бреннанам с одной только спортивной сумкой и плохими воспоминаниями, но, сказать по правде, я бы предпочел, чтобы меня жестко отымили в зад кактусом, нежели стал говорить с ней.

Черт, да я бы женился на этом гребаном кактусе, если бы это гарантировало, что я больше никогда не увижу ее паршивого лица.

К счастью, будучи поганим человеком, Кэт не стала излишне утруждаться попытками связаться со мной. Время от времени она присылала мне письма и пыталась дозвониться, особенно когда у нее бывали проблемы с деньгами, что – вот так сюрприз – случалось постоянно.

Можно подумать, меня это заботило. Судя по адресу на письмах (которые отправлялись прямым в мусорное ведро за исключением зим – зимой они летели в камин), я прикинул, что последние годы она провела на окраине Атланты, где отсасывала всем подряд, чтобы восполнить нехватку наркоты и дизайнерских сумочек.

В одну особенно тихую ночь в «Пустошах» я даже нашел ее адрес в гугл-картах и вовсе не удивился, когда увидел, что она проживала там, где я не стал бы хранить даже обувь. В шаткой деревянной постройке, которую можно снести одним махом.

Если бы меня интересовала месть, я бы поехал туда и так и сделал. Оставил ее без крыши над головой. Но так уж вышло, что прошло недостаточно времени, чтобы я мог воспринимать ее как кого-то второстепенного, а тем более врага.

– Даже не спросишь, как она скончалась? – не унималась женщина на том конце провода.

Мой тренер, Митчелл, парень, который выглядел, как скала (не путать со Скалой¹⁷), передал мне свежее полотенце, вопрошая взглядом «какого черта?».

Он не привык, чтобы я уделял время посторонним.

– Дальше велотренажер и канат. Минута на восстановление, Монстр, – произнес он одними губами, выставив кулак, с которым я отказался стукнуться на том основании, что мне, черт подери, не пять лет, и юркнул за черную занавеску, чтобы дать мне уединиться.

– Алло? Ты еще там? – требовательно спросила южанка на том конце провода гнусавым, скрипучим голосом.

Я поднял телефон с пола.

– Послушайте, миссис Мастерсон, я ценю вашу материнскую заботу, но сказать, что мы с Кэт не были близки – это, черт возьми, не сказать ничего. Мне не нужны никакие вещи из ее дома. Я занятой человек. У меня нет времени на путешествия в Джорджию.

Зато я был твердо намерен отправиться сегодня в путешествие между ног Эшлинг, и в этом заключалась проблема. По коже пробежала волна приятной дрожи. Кто бы мог подумать, что малышка Никс на такое способна? Обманом и хитростью пробраться в мой клуб – ко мне в штаны – и подарить мне лучший в жизни секс?

Не я, это уж точно, но я был бы рад все повторить и наконец-то выбросить ее из головы. Увидеть все трюки, которых она набралась в медицинской школе, испортить ее бледную молочную кожу ногтями и зубами. Она была похожа на лебедя. Изящная и аристократичная. И оттого трахать ее было намного приятнее, чем моих привычных партнерш с длинными ногтями, накачанными губами и имплантами в ягодицах.

Оказываться в женщине, которая повидала больше членов, чем уролог, было попросту не так заманчиво. Неважно, опытная она или нет, но по прикосновениям ледяной принцессы я понял, что она не так легко на них расщедривалась.

Она и не могла.

Она безнадежно одержима мной.

И, черт подери, впервые за десять лет это несущественное обстоятельство отзывалось во мне скорее гордостью, чем раздражением.

– Наркотики. Передозировка. Вот как она умерла, – продолжила миссис Мастерсон, оставшись равнодушной к моей незаинтересованности в разговоре. – Бедняжка. Ее нашли девочки-скауты. Пришли, чтобы продать ей печенье. Представляешь? Заглянули в окно. Увидели ее лежащей на полу и позвонили 9-1-1. Бедные дети. Никто не должен видеть подобное,

¹⁷ Дуэйн Джонсон – американский киноактер, предприниматель, музыкант, певец, в прошлом – рестлер. Известен под псевдонимом «Скала».

а тем более детки. Говорят, она пролежала так несколько дней. Может, неделю. Никто не пришел ее проведать. В журнале звонков даже не значилось входящих вызовов. Твоя мать была одинокой женщиной.

Едва ли меня это удивило. Кэт вызывала не больше симпатии, чем солдат армии СС, и была примерно настолько же обаятельной. Когда она была моложе, ее спасала внешность. А как только ее красота померкла, она стала очередной изможденной наркоманкой, а таких людей жизнь, как правило, не щадила.

– Слушай, я знаю, что вы с ней не были неразлейвода... – старушка на том конце провода вздохнула, – и все же, сынок, ты должен приехать.

– Я не...

– Парень, я не знаю, как выразиться еще яснее. Тут есть ее вещи, на которые тебе стоит взглянуть, – резко перебила она. – Давай этим и ограничимся? Она говорила, что ты при деньгах. А значит, можешь взять выходной и притащиться сюда, мистер. Я знаю, что стара, но я не глупа. Я толкую не о том, что ты должен приехать за сервисом из Walmart¹⁸ или семейными фотоальбомами. Тут есть кое-что, что ты должен увидеть.

Сам того не желая, я поумерил свою ненависть к ней.

– Например?

– Я ничего не скажу.

– Вы просто невыносимая женщина, миссис Мастерсон. Вам об этом говорили?

– Говорят постоянно. – Она посмеялась, а по ее кашлю мне стало ясно, что она такой же заядлый курильщик, как и я. – Так что, это утвердительный ответ, малыш Грейстоун?

– Бреннан, – поправил я, стиснув челюсти и глядя на невидимую точку на стене.

На той самой стене, на которую я смотрел изо дня в день, пока делал по сотне подтягиваний пять раз в неделю.

Стоило ли мне утолять свое нездоровое любопытство к жизни Кэт или к тому, что от нее осталось?

Ответ был прост. Не стоило. Теперь она стала совершенно чужим мне человеком. Прошло уже двадцать шесть лет с тех пор, как я видел ее в последний раз. И все же меня, словно муху на дерьмо, манило желание поближе познакомиться с тем бардаком, который она себе устроила.

Я хотел увидеть это воочию, а заодно насладиться неудачей, которую Кэт потерпела в самом элементарном человеческом умении – выживать.

– Буду завтра к утру.

– Разумный шаг, парень.

Я повесил трубку, позвонил своему агенту по бронированию билетов и сообщил ему подробности. Услышал, как он печатает на клавиатуре.

– Вообще через несколько часов вылетает рейс из бостонского аэропорта Логан. Лучше успеть на него, потому что завтра ожидается гроза и могут возникнуть задержки рейсов.

– Забронируй, – велел я.

Я собирался продинамить Эшлинг Фитцпатрик, но это не проблема. Если я что и знал наверняка, так это то, что Никс – маленький монстр, – никогда мне не откажет.

Она придет на следующей неделе. И через неделю тоже.

Чтобы я использовал ее, измывался над ней и поглощал.

Она всегда была моей.

Вот что делало ее такой опасной и почему я все эти годы держался от нее подальше. То обстоятельство, что она была в моем полном распоряжении. Всего одна порожденная похотью ошибка отделяла меня от катастрофы. Мне не привыкать к женщинам, которые не ставят ника-

¹⁸ Walmart – американская компания, управляющая крупнейшей в мире сетью оптовой и розничной торговли.

ких условий, но обычно они все же чего-то хотят. Моих денег, власти, роскоши пребывания под темным крылом короля бостонского преступного мира.

Однако Эшлинг я никак не мог понять. У нее было столько денег, что самой не счесть. Она была скорее из числа любительниц исправлять плохишей, нежели женщин, которые желали себе плохого парня как такового, и ее мотивы всегда казались подозрительно искренними.

Я не знал, каков ее скрытый интерес, но это не имело значения.

Ее семья была моим крупнейшим клиентом, а я не собирался портачить в работе ни из-за одной женщины, даже такой милой, как она.

Митчелл неторопливым шагом вернулся обратно в зал. Вид его мощного тела в маленькой спортивной майке вызывал ассоциации с тем, как я пытаюсь засунуть свой толстый член в презерватив стандартного размера.

– Готов? – Он снова поднял руку, чтобы стукнуться со мной кулаками.

Я снова оставил его без внимания и побрел к канатам.

– Всегда готов.

* * *

Несколько часов спустя я стоял в гостиной дома Кэт, или как еще назвать маленькую, грязную крысиную нору, в которой она обитала.

Миссис Мастерсон дала мне ключ, но сперва накормила сомнительным яблочным пирогом и напоила сладким чаем со льдом, который по вкусу был подозрительно похож на покупной из супермаркета Costco.

Дом Кэт был размером с гостевую комнату в моей квартире в Бостоне. Большая часть ее мебели была с барахолки или из числа того хлама, что можно утащить с обочины возле перекрестка. В шкафчике в ванной хранилось столько рецептурных лекарств, что ими можно было бы пополнить запасы целой аптеки. Дом демонстрировал типичные признаки дерьмовой жизни: всюду разбросаны полиэтиленовые пакеты, полные бесполезного хлама, к доске приколоты неоплаченные счета, то тут, то там валялись недопитые банки пива, а в мусорном ведре в спальне – ворох использованных презервативов.

Кэт умерла проституткой. Наверное, это обстоятельство должно было меня опечалить, но этого не случилось. Она лишилась права на жалость, превратив меня в алкоголика и наркомана, когда я еще не научился толком подтирать себе зад.

Я закатал рукава и приступил к делу. Начал срывать обои, чтобы посмотреть, не спрятано ли за ними что-нибудь любопытное, рылся в грудях накопленного ею барахла и заглянул во все шкафчики и ящики в чертовом доме. Я перевернул его вверх дном, даже вырвал протекший кран из стены, но, хоть ты тресни, не мог найти то, ради чего, по словам миссис Мастерсон, мне стоило сюда приехать.

Я знал, что спрашивать у старой карги не было смысла. Она лишь запихнет мне в глотку еще больше полузамороженных яблочных пирогов и скажет, что Кэт хотела, чтобы я нашел это сам.

На Кэт всегда можно было рассчитывать в том, что она усложнит мне жизнь, даже из чертовой могилы.

Обычно мне хорошо удавалось выуживать информацию не самыми приятными способами, но даже у меня были пределы допустимого, и причинение физического вреда наполовину оглохшей и, возможно, слепой восьмидесятилетней старушке определенно за них выходило.

Я решил позвонить Спэрроу, которую считал своей настоящей матерью. Да, она не выталакивала меня из своего влагиалища, но всегда была рядом, чтобы вызволить из неприятностей, пока я учился в школе. Она кормила меня, сражалась в моих битвах и праздновала мои победы.

Она любила меня сильнее, чем любая другая мать своего ребенка, но ущерб уже был причинен. Моя душа была разбита, глаза прозрели, а сердце покрылось льдом.

– Привет, Сэм, – сказала Спэрроу на другом конце провода.

Я легко мог представить, как она раскатывает тесто на кухне, ее рыжие волосы торчат во все стороны, как у медузы, а на худощавой, как и прежде, талии повязан фартук с остроумной фразой.

– Спэрроу. Я в доме Кэт в Джорджии. Она умерла от передоза.

– Трой сообщил, – тихо ответила она, и я почувствовал, что она вот-вот бросится выражать соболезнования, а потому поспешил продолжить.

– Кажется, тут есть кое-что, на что мне стоит взглянуть, но я не уверен, где искать.

У меня хорошо получалось проводить обыски, но обычно я находил оружие под матрасами и в щелях в полу. Секреты Кэт, где бы они ни были, явно хранились в не столь очевидном месте.

Достоинство Спэрроу заключалось в том, что она думала, как преступник. Возможно, потому, что вышла замуж за одного из них. А потому она не стала докучать мне вопросами, а просто сказала:

– Проверь ящики в тумбочке и укромные уголки в ее шкафу. Обычно именно там женщины прячут свои секреты.

– Сделано и принято к сведению. Ничего.

– Срывал ковры и смотрел под полом?

– Проверил каждый сантиметр, – ответил я, скидывая книги с полки возле окна ее спальни. Все четыре штуки. – Есть еще идеи?

– На стенах есть фотографии?

Я огляделся вокруг, собираясь дать отрицательный ответ, как вдруг нашел одну.

Где бы Кэт ни жила, у нее всегда висела одна фотография.

И не где-нибудь, а в ванной. Одна-единственная фотография Троя Бреннана, моего приемного отца и бывшего Кэт. Каталина Грейстоун так и не смогла забыть Троя Бреннана, и я не мог ее винить. Никто не мог сравниться с женщиной, которого боялись и любили так сильно, что на улицах Бостона его имя произносили шепотом.

– Одна, – рассеянно ответил я, но не стал уточнять, кто на ней изображен.

– Сорви ее. То, что ты ищешь, будет за ней, – уверенно сказала Спэрроу.

– Вот почему я не доверяю женщинам.

– Ничего страшного. Мы мужчинам тоже не доверяем. О, и Сэм? – окликнула она, пока я не успел повесить трубку.

Ну, начинается.

– Ммм? – Я небрежно смахнул фотографию на пол.

И, само собой, в стене за ней оказалось квадратное отверстие. Достаточно большое, чтобы я смог просунуть руку.

– Я соболезную твоей утрате. И знаю, что ты не воспринимаешь случившееся как утрату, правда, знаю, но не могу радоваться тому, что женщина, которая произвела тебя на свет, скончалась. Ведь, в конце концов, она подарила мне тебя. И я очень сильно тебя люблю, сынок.

По телу пробежала неприятная дрожь. Спэрроу не была эмоциональным человеком, но пару раз в год исправно толкала короткие речи, от которых меня начинало тошнить.

Я повесил трубку, вытащил коробку из-под обуви, которую Кэт засунула в эту дыру, и открыл ее.

Слой льда вокруг моего замерзшего сердца слегка треснул.

Письма.

* * *

Спустя два часа после того, как нашел письма, я все еще сидел на полу, словно Гулливер в кукольном домике, – в его наркоманской, шлюшьей версии, – и перечитывал их снова, снова и, мать его, снова, пытаюсь переварить то, что только что узнал.

Судя по всему, Каталина взяла с миссис Мастерсон обещание, что та проследит, чтобы я нашел эти письма, и у нее была на то чертовски веская причина.

Моя отсутствующая мать хотела, чтобы я узнал историю ее жизни. По крайней мере, какую-то ее часть. Вот только вопрос: зачем?

Даже в сотый раз перечитав письма, я так и не смог понять, чего она хотела: сочувствия, мести или же объяснить свое поведение.

Все двадцать три письма были адресованы Джеральду Фитцпатрику, в то время еще генеральному директору нефтяной компании «Королевские трубопроводы», мужчине, на которого я сейчас работал, занимаясь решением сомнительных вопросов.

По стечению обстоятельств он к тому же приходился отцом Хантера Фитцпатрика – мужа моей сестры Сейлор, и Эшлинг Фитцпатрик – женщины, которую я трахнул несколько часов назад. Я все еще мог почувствовать ее приятное тепло вокруг члена, как только думал об этом. Я с горечью прогнал воспоминание.

То, что я прочел в этих письмах, в корне изменило ход моей жизни.

Мой любимый Джеральд,

спасибо за то, что привнес в мою жизнь новую надежду. За то, что дал понять: жизнь не ограничивается тем, с чем я осталась после смерти Брока.

Слово «любовница» звучит непристойно и дешево, правда? Оно не отражает того, кем я прихожусь тебе, мой дорогой. Не отражает моих чувств к тебе.

Я знаю, что ты никогда не уйдешь от Джейн ради меня. Я не глупа. Я научилась жить с бременем статуса любовницы. Я прошу лишь частичку твоего сердца. Пусть даже маленькую. Лишь толику того, что ты дал ей.

Ты можешь предложить мне часть того органа, что бьется в твоей груди?

Спасибо, что вдохновляешь меня стать лучшим человеком, матерью и возлюбленной.

Твоя навеки,

Кэт.

Мой любимый Джеральд,

у нас будет ребенок! Ты можешь в это поверить? Я точно не могу.

Я так волнуюсь. Знаю, это не входило в твои планы. Поверь, в мои тоже. Притом, что Сэм уже маленький мальчуган. Почти подросток. Послушай, Джеральд, я знаю, что мы с тобой недолго были вместе, и я думала, что дни смены подгузников остались для меня в прошлом, но я правда верю, что это знак. Думаю, жизнь по-своему указывает нам путь.

Я приложила тест на беременность. Хочешь сходить со мной на первый прием у гинеколога? Я не настаиваю, но было бы здорово.

О, и кстати, я буду безумно рада, если ты привезешь мне какие-нибудь витамины для беременных, когда увидимся в следующий раз.

Нужно, чтобы малыш был здоровым и сильным!

Твоя навеки,

Кэт.

Дорогой Джеральд,

мне совсем не понравилось, как ты пронесся сегодня мимо меня, когда я пришла к тебе в офис. Пускай ты порвал со мной, о чем предельно ясно дал понять, но точно НЕ с ребенком, который растет во мне. Я не стану избавляться от него (ДА, от НЕГО) ни за какие в мире деньги, а тем более за ту сумму, которую ты выделил мне на аборт.

Можешь игнорировать меня сколько угодно. Недели, месяцы, вечность. Но, в конце концов, этот ребенок появится на свет, и он твой. Рано или поздно тебе придется принять эту истину.

Перезвони мне. Мой номер ты знаешь.

Твоя временами,

Кэт.

Джеральд,

хочу, чтобы ты знал: я никогда не прощу тебя за то, что ты сделал со мной. С нами.

Ты убийца. Душегуб. У меня был сын. Джейкоб. Он рос во мне. Я была беременна. Он пинался, крутился и всегда шевелился от удовольствия, когда слышал голос старшего брата.

Он был твоим ребенком.

Я понимаю, что это осложнило твою безупречную жизнь. Но все же это единственное, чего я ждала с нетерпением и что помогало мне продираться сквозь мою безрадостную жизнь.

Я также понимаю, что ты владеешь нефтяной компанией и у тебя уже есть наследники, а борьба за завещание после твоей смерти будет жестокой.

НО ОН БЫЛ ТВОИМ СЫНОМ.

Он был твоим сыном, а ты жестоко вырвал его из моего тела. Ты бил меня. Толкал. Ты выбил его из меня. Ты избил меня так сильно, что не оставил никаких сомнений в том, что будет дальше.

После того, что вчера произошло между нами, у меня случился выкидыш. Таков ведь и был твой план? Избить меня, чтобы избавиться от него? Что ж, у тебя получилось.

Кровь шла без остановки, пока мне не пришлось бежать в больницу, где мне сообщили, что я потеряла ребенка.

Я была на пятом месяце, Джеральд. А это значит, что мне пришлось пережить рождение мертвого плода. Ты знал, что я уже три месяца была в завязке? С тех самых пор, как узнала, что беременна.

Я хотела дать этому ребенку возможность начать с чистого листа. Хотела растить Джейкоба и Сэмюэла вместе и дать им возможность реализовать свой потенциал.

Перевернуть страницу.

Искупить все мои грехи.

Теперь все это в прошлом. Я снова вернулась к исходной точке, сбитая с толку и потерянная как никогда.

А ты, конечно же, по-прежнему не отвечаешь. Ты добился, чего хотел. Моего полного уничтожения, чтобы я больше не представляла для тебя угрозы.

Пока писала тебе это письмо, я нашла пакетик с наркотиками, который ты оставил у меня на пороге. Я знаю, что это ты велел доставить их мне. Я всегда нравилась тебе больше, когда была под кайфом, даже если это означало, что я не могла позаботиться о Сэме.

Но к черту Сэма, да? В крайнем случае, мы всегда можем дать ему что-то, чтобы усмирить. Это была твоя идея. Давать ему наркотики, чтобы он вел себя тихо. Чтобы мы могли поговорить по телефону. Что ж, это перестало помогать, как только он повзрослел и смог оказывать сопротивление, и мы оба знаем, чем все обернулось. Он чуть не откусил кусок моей кожи, когда я в последний раз пыталась дать ему наркоту.

Не волнуйся, Джеральд, я приму наркотики. Покачусь по наклонной. Стану бесполезным телом, пустым сосудом, пригодным только для одного – доставлять тебе удовольствие.

И снова все по кругу.

Наркотики. Выпивка. Реабилитация. Падение на самое дно. И по новой.

Это ты во всем виноват, и если однажды у меня заберут Сэма, надеюсь, ты знаешь, что это будет на твоей совести.

Навеки не твоя,

Кэт.

Джеральд,

как я уже сказала во время нашего вчерашнего телефонного разговора, я не оставляю тебя в покое, пока ты не заплатишь мне за молчание.

Из-за тебя я потеряла нашего нерожденного сына. Если не заплатишь, пресса узнает, кто ты на самом деле такой и на что способен.

И нет, я не возьму твои жалкие пятьдесят тысяч и не уеду, тем более что мы оба знаем: тогда мне придется оставить Сэма. Я ни за что не смогу растить его одна, да и Трой со Спэрроу не дадут мне его увезти.

Триста тысяч позволят мне начать все с чистого листа. Лечь в хорошую реабилитационную клинику. Снять квартиру в приличном округе. Поступи правильно, Джеральд. У меня есть знакомые в Калифорнии, которые могут мне помочь. Дай денег и развежь этот кошмар.

С ненавистью,

Кэт.

Джеральд,

ладно. Хватит и ста пятидесяти.

Когда я упомянула, что на триста тысяч смогу забрать с собой Сэма, ты рассмеялся мне в лицо и сказал, что мальчик – не твоя проблема. Это твоя вина, что я оставила Сэма, не моя.

У тебя ведь есть на него планы? Ты сам так сказал. Травмированные, впечатлительные люди из неблагополучных районов становятся хорошими солдатами. Богатые процветают за счет бедных. Что ж, подумай еще раз, потому что Трой Бреннан взял его под свое крыло, а если в Бостоне и есть кто-то сильнее тебя, то это Трой. Я верю, что он защитит Сэма от тебя, хотя и не уверена, что ты все же до него не доберешься. Не используешь его и не лишишь всего хорошего и ценного, что есть в нем, как ты поступил со мной.

Не знаю, как далеко смогу продвинуться на сто пятьдесят тысяч, но знаю, что все равно буду недостаточно далеко от тебя.

Я никогда тебя не прощу.

За то, что снова толкнул меня в объятия наркотиков.

За то, что из-за тебя я потеряла Джейкоба.

За то, что ты вынудил меня оставить Сэма.

Ты монстр, Джеральд. А монстры рождаются для того, чтобы их уничтожали.

Ты разрушил мою семью, и однажды с тобой сделают то же самое.

Сэмюэл теперь у Троя, а Трой – тот человек, которым нельзя помыкать.

В последний раз,

Кэт.

Я бросил последние письма на пол и провел пальцами по волосам.

По всей видимости, у Кэт и Джеральда была интрижка. Более того, эта интрижка привела к появлению ребенка. Нерожденного сына по имени Джейкоб. Поняв, что Кэт оставит ребенка,

Джеральд так сильно воспротивился его появлению на свет, что решил избить ее, чтобы избавиться от него.

Он снова посадил Кэт на наркотики, а потом заплатил ей, чтобы она уехала и оставила меня.

В этой истории были пробелы размером с Белый дом.

Во-первых, женщина в этих письмах совсем не похожа на Кэт. Каталина была циничной, вспыльчивой и приблизительно такой же нежной, как шипованный дилдо. Либо она исполнила перед Джерри Фитцпатриком достойную Оскара роль, либо в самом деле была на пороге перемен. Ставлю на первый вариант.

Сомневаюсь, что это он велел ей давать мне наркотики. По времени эти события не совпадали. Не может быть, чтобы они так долго были любовниками.

В остальном все казалось правдоподобным. Обстоятельства сходились.

Перед тем, как Кэт сбежала из города, у нее, в самом деле, был период трезвости продолжительностью в несколько месяцев, а за ним последовали несколько беспорядочных недель, во время которых она стала снова употреблять наркотики и стремительно катиться на дно.

К тому же я имел несчастье знать Джеральда лично и оказался осведомлен о том, что он отъявленный изменщик и еще не нашел ни одной киски, в которую ему не захотелось бы сунуть член.

Я не слышал, чтобы он был склонен к насилию, впрочем, не слышал и обратного. Косвенные улики против него были существенными, и я бы не стал исключать, что он мог совершить преступление в состоянии аффекта, чтобы спасти собственную шкуру.

Их с Джейн Фитцпатрик союз был заключен в аду для высшего класса. Они оба происходили из богатых семей, имели схожее культурное воспитание и получили много преимуществ, вступив в брак. А еще у них была еще одна общая черта: они оба были невыносимы до такой степени, что терпеть друг друга не могли.

За эти годы старик изменял своей жене столько раз, что и не счесть. Несложно поверить, что Кэт, предпочитавшая женатых хренов, сумела урвать себе в любовники толстосума в лице Джеральда Фитцпатрика.

Все письма были отправлены на адрес холостяцкой берлоги Джеральда, что служило очередным верным признаком их подлинности. Я знал все владения Фитцпатриков как свои пять пальцев, и письма Каталины, перед тем как вернуться отправителю, были высланы по тому же адресу, по которому Джеральд встречался со своими любовницами, пока не преподнес это жильё Сейлор и Хантеру в качестве свадебного подарка.

К письмам прилагались фотографии.

Полароидные снимки, на которых Кэт сидит на коленях у Джеральда и целует его в щеку.

Их фотографии в экзотических местах. В отпусках. На днях рождения. А еще там был тест на беременность, такой старый, что две полоски поблекли и стали едва различимы.

Мало того, что все факты безупречно сходились, но к тому же я и сам помнил.

Помнил ее непродолжительный период трезвости.

Помнил тот день, когда Кэт пришла домой в ужасном виде, вся в синяках и крови.

Помнил, какой она была уязвимой, такой всецело жалкой, что даже я в тот момент не мог ее ненавидеть.

Помнил, как она забралась в кровать, свернулась калачиком и безудержно рыдала, дрожа, как осиновый лист, а я чувствовал себя беспомощным, разрываясь между желанием помочь ей и ненавистью за то, что снова меня не покормила.

Помнил, как она посреди ночи пробралась к кровати моей бабушки, – мы с бабушкой ютились в одной комнате размером с платяной шкаф, – и прохрипела: «*Вызови «Скорую». Мне нужно в больницу. Сейчас же».*

Предательство было ошеломляющим.

Все это время Джеральд знал, что я родной сын Каталины, и все равно пользовался моими услугами.

По ее словам, он на расстоянии готовил меня к той работе, которую я сегодня выполнял.

Он вынудил мою мать употреблять наркотики и алкоголь.

Зачал с ней ребенка, а потом избил так, что у нее случился выкидыш.

Потом заставил ее бросить меня.

У меня могла быть другая жизнь.

Лучшая жизнь.

Он лишил меня заслуженного второго шанса и даже не нашел в себе мужества в этом признаться, когда наши пути снова пересеклись.

Джеральд Фитцпатрик лишил меня будущего, семьи и нерожденного брата.

И он заплатит за это.

Кровью.

Слезами.

Своей гребаной жалкой жизнью.

Я был бостонским «решалой» всю свою взрослую жизнь. С тех пор, как Трой отошел от дел, едва мне исполнилось двадцать два, и занялся более прибыльным и законным бизнесом. Я всегда воспринимал это как его подарок на мой день рождения. Я возглавил семейное дело и стал решать все, даже самые нестандартные проблемы, с которыми сталкивались богатые и влиятельные жители Бостона.

К двадцати двум годам я переломал столько костей и раскроил столько черепов, что меня всюду уважали и боялись как преступники, так и представители закона.

К тому времени, когда мое имя попало в списки особо опасных преступников ФБР, Трой уже был занят семейными играми со Спэрроу, управлял их ресторанами и не лез в самое пекло. Он знал, что я другой: на несколько тонов темнее и с жадной крови, и уже давно бросил попытки меня приструнить.

Всю свою жизнь я решал чужие проблемы.

Пришло время позволить себе роскошь учинить одно незапланированное разрушение.

Уничтожить все, что Джеральд Фитцпатрик любил и ценил, поступив с ним так же, как и он со мной.

Карма никогда не теряет нужный адрес.

И я позабочусь о том, чтобы она своевременно его настигла.

* * *

Надгробие на могиле Каталины Грейстоун было черным.

Ирония – та еще сука, но у нее явно хорошее чувство юмора.

Я не знал, как и почему Кэт похоронили на кладбище в Атланте, но подозревал, что это дело рук моей приемной матери.

Спэрроу была практичным, но до неприличия сентиментальным человеком. И хотя она не была религиозной, в ней все же билась жилка католической добродетели.

Ей была невыносима мысль о том, что Каталину кремируют, а потом выбросят в помойку, когда никто не придет забрать ее прах. Спэрроу с чего-то сочла возможным, что однажды я захочу побывать на могиле Кэт.

Следующую пару дней я провел в гостиничном номере в Атланте, не отвечая на телефонные звонки, тайком встречаясь с главарями местных банд и наркобаронами и планируя свою месть Джеральду. На третий день я выписался из отеля и отправился на могилу Каталины. Миссис Мастерсон позвонила и сообщила, что надгробный камень уже установлен, и спросила, не хочу ли я сходить и взглянуть на него вместе с ней. Я вежливо отказался, – не мог больше

вынести дерьмовых яблочных пирогов и пустой болтовни, – но все равно решил заскочить на кладбище перед тем, как поехать в аэропорт и вернуться в Бостон. Главным образом хотел убедиться, что эта стерва в самом деле умерла и лежит в сырой земле.

Поросшая мхом земля проваливалась под ботинками, когда я засунул кулаки в карманы черного пальто и зашагал к надгробию – новому, гладкому и блестящему памятнику моему разрушенному детству.

Подойдя к нему, я остановился и мрачно ухмыльнулся, когда заметил, что Спэрроу не включила слово «мать» в короткий список статусов Кэт.

Видимо, сделала это в порыве мелочности.

Воздух был пронизывающе холодным, что нехарактерно для Джорджии, ветер хлестал по лицу. Я закурил, держа сигарету онемевшими пальцами и с ухмылкой размазывая носком ботинка грязь по надгробному камню.

– Скатертью дорожка, милая.

Я присел и коснулся могильного камня рукой, в которой держал сигарету, поражаясь тому, как скоротечна человеческая жизнь. Одного столетия, и то в лучшем случае, едва ли хватит, чтобы насладиться всем, что может предложить этот мир.

– Знаешь, Кэт, я довольно часто подумывал тебя убить. Может, раз в пару месяцев. Есть нечто поэтичное в том, чтобы забрать жизнь у человека, который подарил тебе твою, – фыркнул я, с удивлением обнаружив, что отнюдь не так сильно рад ее кончине, как рассчитывал. – С другой стороны, все сводилось к одному и тому же: убить человека – значит, пойти на риск. Но ты никогда не стоила риска. Ведь именно так, вкратце, можно описать историю твоей жизни, Каталина? Всегда где-то на задворках. У тебя было так много любовников, фальшивых друзей, женихов и даже муж, но никто так и не пришел на твою могилу. Только восьмидесятипятилетняя соседка, которая даже Сталина сочла бы приятным. Думаю, пора прощаться. – Я встал, сделал последнюю затяжку, бросил сигарету на плиту и плюнул на тлеющий уголек, чтобы его затушить.

Развернулся и больше не оглядывался.

Еще одна отправилась на тот свет.

Третья

Сэм

– Смотри, чтобы ситуация не вышла из-под контроля, – предостерег Трой на следующий день, пока мы сидели в моем кабинете в «Пустошах», наслаждаясь горячим пуншем, – со щедрой порцией виски, – и райским шумом, с которым мои работники носились по коридору, выполняя мои приказы.

Он просмотрел распечатку журнала звонков Каталины и Джеральда десятилетней давности, которую я вручил ему несколько минут назад. Его пальцы все еще были слегка посиневшими от уличного холода, а бледное лицо порозовевшим от колючей бостонской зимы.

- Как ты вообще нашел эти древние улики?
- Я очень находчивый человек, – протянул я.
- Не то слово.

Первым делом после возвращения в Бостон я подробнее изучил историю интрижки Кэт и Джеральда и узнал больше об их отношениях. Судя по истории звонков, эти двое начали спать вместе, когда мне было четыре года, и прекратили незадолго до отъезда Кэт, когда мне исполнилось девять.

Казалось невероятным и вместе с тем совершенно логичным, что в тот единственный раз, когда Каталина сказала правду, она вместе с тем призналась в чем-то столь омерзительном, как роман с человеком, который платил мне по тридцать миллионов долларов в год за то, чтобы я решал его проблемы и никогда не прикасался к его дочери.

Каталина была сплошной головной болью даже после своей смерти, но настоящим злодеем в этой истории оказался Джеральд, потому что он пристрастился не к какому-то там распространенному виду наркотиков. А к вагине, хотя ему стоило быть осторожнее.

– Не забывай, что твоя сестра замужем за сыном Джеральда. Мы семья. – Трой разгладил пиджак. Выражение его лица источало враждебность. Он весь был напряжен до предела и готов в любой момент сорваться, как заряженный пистолет.

Мы с моим приемным отцом сидели напротив, словно зеркальное отражение друг друга. На нас были одинаковые черные брюки от Armani, сшитые по специальному заказу с учетом наших огромных габаритов. Мы носили одинаковые итальянские лоферы ручной работы. Одинаковые рубашки черного, или темно-синего, или темно-серого цветов – главное, не белого.

Светлые оттенки крайне непрактичны, когда по роду деятельности приходится литрами проливать кровь.

У нас даже были похожие привычки. У Троя была фиксация на оральной стадии¹⁹, которую он решал при помощи зубочистки, что вечно торчала у него изо рта, а я прибегал к сигаретам.

Но в конечном счете все сводилось к одному: мы с Троем не приходились друг другу кровными родственниками.

У него были холодные, светло-голубые глаза. А мои были серыми, как у Брока Грейстоуна.

Волосы у Троя были черными как смоль с проседью на висках и по краям лба. А мои – светло-коричневого цвета.

Он был бледнолицым. Я загорелым.

Он сложен, как игрок в регби. А я – как поле для этой игры.

А еще он родился в богатой семье, а мне приходилось приспособливаться.

Меня всегда забавлял лозунг «Ешь богатых»²⁰. Я с ранних лет усвоил, что, напротив, богатые всех пожирают. Вот почему люди так сильно их ненавидят.

Если не можешь победить их, стань одним из них.

Я твердо намерен больше никогда не становиться бедным, а потому прикасаться к Эшлинг Фитцпатрик было неразумно. Фитцпатрики сделали меня богаче. Намного богаче, чем я был, когда только начал свое дело, ломая ноги по заказу конгрессменов и пряча их любовниц на экзотических островах.

– Это не коснется Сейлор, Хантера, Руни или Ксандера, – заверил я, имея в виду свою сестру, ее мужа и их детей.

Я вертел зажигалку Zipro между пальцами, теряя интерес к разговору.

– Хантеру сорвет крышу, – заметил Трой.

– Хантер слишком занят созданием собственной семьи, чтобы беспокоиться о той, которая отвернулась от него, когда он был в школе-интернате, – огрызнулся я, оскалившись.

Все равно Фитцпатрикам в ближайшее время не светит получить награду в номинации «самая дружная семья». Скорее наоборот: они бы и Ланнистерам задали жару.

– Я не собираюсь щадить чувства каждого ублюдка, с которым когда-то пил пиво. Хантер переживет. Джеральд заслужил мою ярость.

– Как по мне, Джеральд и должен ее на себя навлечь. Я не вижу в этом личного интереса, Сэм. – Ноздри Троя раздулись, и мне стало ясно, что он тщательно подбирает слова.

Он частенько пытался сглаживать ситуации, в которые я влезал, главным образом потому, как знал: вероятность, что я слечу с катушек, была так высока, что почти не оставляла никаких чертовых сомнений. Я любил крушить и наблюдать, как все рушится. Читайте меня сентиментальным, но хаос напоминал мне о детстве. И я всегда был готов устроить кровавую бойню.

– Я лишь хочу удостовериться, что ты не станешь действовать слишком импульсивно. Я знаю тебя, сын. Ты всегда рад чуть что палить без разбора.

– Не так сильно рад, как хотелось бы. – Я бросил зажигалку и стал теребить талисман со Святым Антонием, висящий у меня на шее на кожаном шнурке. – Что подводит нас к следующему вопросу. Я подловил русских, пока они тайком переправляли шестьдесят килограммов дури в один из своих магазинов. Не знаю, чем торговал Василий Михайлов – но точно не бастурмой, – он не отстегивал ни цента выручки.

¹⁹ Первая стадия психосексуального развития по Фрейду, которая начинается с рождения и завершается к одному году и выражается в повторении ребенком акта кормления (без требования пищи) даже при отсутствии голода, что проявляется в сосании пальца или пустышки.

²⁰ Лозунг популярен в анархистских и других политически радикальных, антикапиталистических движениях, получил массовое распространение в 1960-е годы, появившись на майках и в рок-музыке.

Поэтому я порезал ему лицо. Око за око и все в таком духе.

Возможно, резать лицо босса русской мафии было не самым взвешенным моим поступком, но мне было приятно наблюдать, как он извивается и кричит от боли.

Трой ошетинился.

– Даже не начинай об этом. Ты вообще не имел никакого права отнимать их территорию. Вернемся к Джеральду Фитцпатрику. – Он покрутил указательным пальцем, возвращаясь к прежней теме. – Я не хочу, чтобы ты разглашал эту информацию, пока она не подтвердится. Знаю, все это дурно выглядит...

– Все железно, – вспыхнул я. – У меня есть доказательства. Неоспоримые факты. – Я бросил бумаги между нами.

Не все из сказанного Кэт было правдой, но большая часть все же была. И этого достаточно, чтобы оправдать мое стремление выжать из Джеральда все до капли. Этот человек убил моего младшего брата. Единственного кровного родственника. Брока не стало. Кэт тоже. У меня мог быть хоть кто-то. Человек, о котором я мог заботиться.

– И все же... – он ударил кулаком по столу, – ты знаешь то, чего тебе, по его мнению, неизвестно. Теперь у тебя есть преимущество. Действуй в рамках своих обязанностей, но не устраивай из этого гребаную Красную свадьбу²¹. Я знаю тебя, Сэм. Сеять медленную смерть тебе нравится гораздо больше, чем убивать быстро. Помучай его, но не добивай.

Он был прав. Зачем идти с этой информацией к Джеральду и тем самым дать ему возможность защититься, если я могу добиться от него желаемого старым добрым способом: превратив его жизнь в сущий ад?

Будь месть и наказание видами искусства, мои работы были бы развешаны по всему Лувру. Я мог вычерпать душу Джеральда гребаной ложкой и лакомиться ей, при этом не огорчая мою сестру и ее похожего на жиголо муженька.

– Ладно, – протянул я, лениво развалившись в кожаном кресле. – Думаю, я могу немного его помучить. Но, в конечном счете, все равно нанесу решающий удар.

– До этого момента еще есть как минимум несколько месяцев, и я надеюсь, что за это время смогу раздобыть какую-нибудь информацию, которая заставит тебя передумать. – Трой встал и застегнул пиджак, глядя на меня холодным и все же одобрительным взглядом.

Ему претило, что он создал монстра, но еще сильнее он ненавидел, что ему это нравилось. Своими безжалостностью, грубостью и жаждой крови я пошел в него.

И превзошел его во всем вышеперечисленном.

Трой был достопочтенным боссом мафии на свой старомодный лад. Он знал толк в разрушениях, но навлекал их только на тех, кто переходил ему дорогу.

Я же был порочен до самого нутра. Не чурался ничего. Ну, кроме как изнасилования, педофилии, избиения женщин и детей... словом, всего того дерьма, которое обычно вытворяли нелюди.

Любой взрослый мужчина был для меня законной мишенью, а стоило ему как-то меня задеть – ему наступал конец.

В этом заключалось некоторое преимущество.

– Ты как, в норме? – Он остановился возле двери и хмуро на меня посмотрел.

Я закурил сигарету.

– А какого хрена мне не быть в норме?

– Кэт...

²¹ Вымышленная свадьба Эдмура Талли и Рослин Фрей, изображенная в романе Джорджа Мартина «Буря мечей» и в телесериале «Игра престолов». Во время пира Фрей и Болтоны, тайно перешедшие на сторону Ланнистеров, устроили резню и убили множество Старков, включая короля Севера Робба и его мать Кейтилин, что стало поворотным моментом в Войне Пяти Королей.

– Как и все ей подобные, была просто очередной потаскухой. Я не считаю ее смерть событием, заслуживающим упоминания. Ужасный яблочный пирог ее надоедливой соседки, который мне пришлось съесть, доставил больше дискомфорта, чем мысль о том, что Кэт неделю гнила в своем доме, прежде чем ее нашли.

– *Ха-ашо...* – Он посмотрел мне в глаза, все еще пытаюсь найти в них проблеск эмоций. – Только не слишком увлекайся своим планом мести Джеральду. Не забывай, вопрос еще не закрыт.

Не стоит даже упоминать, что я уже вырыл могилу с его именем в том же лесу, в котором Трой убил Брока.

У меня мог быть брат.

Мог быть кто-то родной.

– Конечно, – я улыбнулся.

Конечно.

Эшлинг

Я просмотрела медицинскую карту и натянуто улыбнулась, когда мой телефон зазвонил в переднем кармане медицинской формы. Старалась не обращать внимания, как он вибрирует возле моего бедра.

– Пришли результаты ваших анализов, миссис Мартинес. Думаю, мы с вами могли бы вместе обсудить, что из этого следует и что я рекомендую делать дальше. – Я посмотрела на женщину, сидящую в моем кабинете.

Она спокойно моргнула, выпрямила спину и сцепила руки в замок на моем столе, готовясь к тому, что я скажу. Снаружи косой пеленой сыпал снег. Сквозь тянущиеся вдоль стен узкие окна с толстыми стеклами было почти ничего не видно.

Я села напротив пациентки. Телефон снова завибрировал.

– Что ж. Хорошо. Давайте посмотрим? – Я начала листать ее карту и почувствовала, как глаза горят от эмоций, когда увидела результаты анализов ее крови. – Что у нас тут? Значит, так... о, прошу прощения. Одну минуту. – Я выставила палец, достала телефон из кармана и мысленно простонала. Надеюсь, кто-то умер. Моя семья знала, что на работе меня нельзя отвлекать.

У меня было три пропущенных вызова от Хантера.

Один звонок от мамы.

Но, что хуже всего, сообщение от Хантера.

Много лет назад, когда мы еще были детьми, которых отправляли в разные учебные заведения и на стажировки по всему миру, мы с братьями заключили соглашение. Поскольку нас с детства учили, что телефоны могут прослушивать из-за нашего происхождения, мы не могли попросту написать друг другу что-то вроде: «Скорее, на одном из наших нефтяных заводов по вине отца произошел взрыв». Поэтому решили: если случится что-то срочное, мы пришлем друг другу в сообщении секретный код: клевер.

Своеобразный ироничный взгляд на ирландское поверье о том, что четырехлистный клевер приносит удачу. Сообщение Хантера было написано заглавными буквами.

Хантер:

КЛЕВЕР КЛЕВЕРМАТЬЕГОКЛЕВЕРPPPPR.

– Я должна ответить. Извините. – Я вскочила с места, пулей вылетела из кабинета и поднялась на первый этаж, прижав телефон к уху.

Хантер ответил еще до первого гудка.

– Эш. Ты должна приехать домой. Кое-что с па.

– С ним все хорошо? Он пострадал? – я сделала судорожный вдох, как только осознала, что уже сжимаю в руке ключ от своей практичной «Тойоты Приус», бросив миссис Мартинес и свои обязанности, и выскочила за дверь.

– В физическом плане? С ним все нормально. Во всяком случае, пока. Невозможно предсказать, что мама сделает с ним в ближайшие несколько часов. Послушай, Эш, разразился скандал. Кто-то слил папины фотографии и переписку с... эм... – Он замолчал, и я сразу поняла, что брат пытается подобрать слова, которые причинили бы мне как можно меньше боли.

В этом весь Хантер. Беспощадно красив и душераздирающе нежен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.